

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

*Материалы к научным конференциям
Выпуск 42*

И.Л. Жеребцов

**Изучение влияния климатических изменений
на этнодемографическое развитие
финно-угорских народов**

*Материалы к Международной научной конференции
«Этнологическое наследие: концепции, тенденции и подходы»
Кишинев, 23–24 мая 2017 г.*

Сыктывкар, 2017

УДК 551.583.2+314.148

Жеребцов И.Л. **ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ.** Материалы к Международной научной конференции «Этнологическое наследие: концепции, тенденции и подходы» (Кишинев, 23–24 мая 2017 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2017. 52 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 42).

В работе рассмотрено, как климатические изменения влияли на этнодемографическое развитие финно-угорских народов с древности до XIX в.

Научный редактор д.и.н. В.А. Исупов

Редколлегия:

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, М.А. Мацук, А.Г. Мусанов, А.А. Попов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Рецензенты:

д.и.н. Е.Ф. Кринко
д.и.н. В.И. Меньковский

Печатается по решению Северной секции Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

© Жеребцов И.Л., 2017
© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2017

Роль климата в древней истории финно-угров

Многие российские и зарубежные исследователи в той или иной мере обращали внимание на значение глобальных изменений климата в истории человеческой цивилизации [4; 9; 49; 50 и др.]. В Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в рамках широкомасштабных историко-демографических исследований [10–14] с 1990-х гг. ведутся, в частности, исследования, посвященные влиянию климатических изменений на этнодемографическое развитие различных (в первую очередь, финно-угорских) народов в разные исторические периоды. Результаты этих научных изысканий нашли отражение в серии публикаций [15–35].

Появление, а затем и распад древней финно-угорской общности, а также ряд других важных этапов развития финно-угорских народов, исследованных различными учеными [1; 2; 5; 41; 45 и др.], тесно связаны с глобальными изменениями климата. В частности, с климатическими сдвигами, вызвавшими появление относительно избыточного населения и массовые миграции, связано разделение финно-угорских племен на две ветви (финскую и угорскую) и последующее их дробление.

В VII тыс. до н.э. в Европе стало теплее, чем теперь. В последние века этого тысячелетия несколько похолодало, но затем наступил еще более теплый период (VI–IV тыс. до н.э.). Новая фаза потепления ознаменовалась рождением уральской языковой общности, объединявшей далеких предков нынешних финно-угорских и самодийских народов. Исследователи говорят о ее существовании уже применительно к VI тыс. до н.э. [4; 41; 45]. Ранее, при потеплении VII тысячелетия, этой общности, полагаю, еще не было, поскольку Западная Сибирь в ту эпоху оказалась менее избалована климатическими сдвигами к лучшему, нежели, например, Дальний Восток или крайний Северо-Восток Евразии; более того, в Западносибирском регионе имело место некоторое похолодание, что явно не благоприятствовало людям, пожелавшим бы обустроить здесь свою жизнь. Между тем именно в этом регионе располагалась прародина уральских народов: от Уральских гор на западе до Енисея и низовьев Ангары и Подкаменной Тунгуски на востоке и от Полярного круга до низовьев Тобола и северных предгорий Саян и Алтая. А в VI–IV тыс. до н.э., напротив, **Западная Сибирь относилась к тем регионам, где наблюдались наибольшие положительные аномалии климата** [2; 4; 41].

По мере потепления климата росло население, находившее все больше возможностей для пропитания. Со временем границы прародины стали тесны для значительно увеличившегося количества людей. Конечно, в сравнении с современностью, плотность населения, несмотря на прирост, оставалась весьма низкой; однако охотничье-рыболовецкий тип хозяйства

требовал обширных резервных территорий освоения, которые в районе проживания того или иного рода были отнюдь не беспредельны. В результате либо тормозился рост численности населения (вследствие нехватки продовольствия, голода и повышения смертности), либо часть жителей вынуждена была переселяться в иные районы.

Возможно, с этим относительным перенаселением и было связано разделение уральской языковой общности на самодийскую и финно-угорскую, которое, по мнению специалистов, произошло на рубеже V и IV тыс. до н. э. Если исходить из относительной перенаселенности как важного фактора разделения уральцев, то – учитывая изменения климата – автору представляется более вероятным, что отделение самодийцев от финно-угров произошло в конце V тыс. до н. э., поскольку в начале следующего тысячелетия наступил пик теплого периода (климатический оптимум), проявившийся в большинстве регионов Евразии, в том числе и в Западносибирском. Без сомнения, новое улучшение климатических условий дало возможность получать больше продуктов питания в обжитых районах: больше рыбы, росту которой способствует повышение температуры воды, больше ягод и прочих даров леса. Все это оказало благотворное воздействие на демографические процессы, вследствие чего в начале IV тыс. до н.э. проблема относительной перенаселенности, вероятно, была снята с повестки дня, и бывшее ранее «избыточным» население получило возможность добывать средства пропитания на родине, а не искать их в иных регионах. Следовательно, массовые переселения и, как следствие их, разделение уральцев должны были произойти не в это благоприятное время, а в предшествующий период [2; 4; 39; 41; 45].

Климатический оптимум продолжался в течение почти всего IV тыс. до н. э., хотя имели место временные похолодания. Видимо, это позволило финно-уграм сосуществовать более тысячелетия в относительном единстве – относительно, потому что, как справедливо полагает П. Хайду, в условиях низкой плотности населения, больших расстояний, отделявших местожительства разных родов, несчастных контактов между ними неизбежно возникали различия в местных говорах, диалектах [45, с. 171], да и, вполне возможно, в культурно-бытовой и хозяйственной специфике разных локальных групп. Однако даже условия климатического оптимума не могли, естественно, обеспечить беспредельный рост числа жителей, поэтому время от времени, вероятно, в отдельных локальных группах все же появлялось относительно избыточное население, которое вынуждено было переселяться за пределы прародины. На этот процесс оказали свое воздействие и упоминавшиеся временные похолодания, одно из которых происходило на рубеже первой и второй трети IV тыс. до н.э. Возможно, именно в этот период часть финно-угров ушла за Урал – в частности, в бассейн Камы [4].

Середина IV тыс. до н.э. была теплой, но и существенно более сухой, чем предшествовавший период. В результате степи постепенно лишались растительности, становясь полупустынями, а степная полоса сдвигалась на север, где ранее располагались луга; вслед за изменением растительного мира перемещались и животные. Население районов, лежавших к югу от территории расселения финно-угров, спасаясь от засухи, вынуждено было в поисках пропитания переселяться севернее, оттесняя или смешиваясь с финно-угорскими племенами. Не случайно именно в середине IV тыс. до н.э. имел место приток иноэтничных пришельцев с юга на бывшую уральскую прародину. Результатом вызванных засушливым климатом миграций стало усиление разрыва между финно-уграми, смешавшимися с пришельцами, и самодийцами, отселившимися в направлении Енисея. Часть финно-угров под давлением южан могла уйти на запад, в сторону Волги и Балтики, включая и Север Европы, который в условиях весьма теплого климата той поры мог оказаться вполне привлекательным для переселенцев [45; 46].

В конце IV тыс. до н. э. климат повсеместно начал меняться. Больше стало влаги, полупустыни отступали к югу, восстановился травяной покров в степях, лежавших южнее финно-угорских земель, так что они вновь стали вполне пригодными для жизни, и приток переселенцев из этих районов на финно-угорскую территорию если и не прекратился полностью, то, во всяком случае, значительно ослаб, что должно было дать финно-угорским племенам возможность развиваться в более спокойных условиях, без значительного внешнего давления и печальных перспектив ассимиляции. Это положительное следствие начавшихся перемен климата было, однако, «нейтрализовано» другой стороной происходивших перемен – некоторым похолоданием, что по понятным причинам оказало замедляющее влияние на рост численности финно-угров: меньше стало растительных «даров природы», возникли проблемы с рыболовством (снижение температуры воды негативно воздействует на популяции речных рыб). В этих условиях снова появляется относительно избыточное население, которое в поисках пропитания вынуждено было уходить в другие места [4]. Не случайно именно в этот период племена культуры ямочно-гребенчатой керамики (которая, по некоторым предположениям, относится к протофинно-уграм), появившиеся в Карелии во время потепления, расселяются по всей территории региона [37, с. 21].

В середине III тыс. наступил весьма холодный период. В финно-угорских родах и племенах вновь возникла проблема «избыточного» населения, усилились миграции. Одни переселялись на запад, за Урал, где уже имелись родственные племена – в бассейн Камы, а также в верховья Вычегды и Печоры, а затем, возможно, и дальше – есть предположения,

что какие-то группы финно-угров в III тыс. до н.э. дошли до Прибалтики и, в частности, появились на территории современной Эстонии [45, с. 79–80, 161–162]. На территорию Эстонии племена с финно-угорскими чертами могли прийти из более северных районов, с территории Финляндии или Карелии (как уже говорилось выше, есть предположение, что они появились там в 3300–3200 гг. до н.э.) вследствие похолодания середины III тыс. до н.э., вынудившего людей мигрировать в более южные районы.

Другая часть населения Западной Сибири пока оставалась на старом месте жительства – освободившись от «лишних ртов», древняя прародина еще могла обеспечить оставшихся продуктами питания, тем более что период похолодания и увлажнения оказался непродолжительным – около 2200 г. до н.э. климат несколько изменился к лучшему, и переселения за Урал резко сократились, если не прекратились совсем. В итоге этих процессов началось постепенное обособление разделенных Уральскими горами финно-угорских племен на две ветви, контакты между которыми слабели [4; 41; 42; 45; 47].

Вероятно, потепление климата в 2200 г. и улучшение условий жизни способствовали и ослаблению интенсивности переселений «европейских» финно-угорских родов далее на запад, что может свидетельствовать в пользу мнения видного венгерского лингвиста П. Хайду о том, что финно-угры жили тогда не западнее Волги и устья Камы. Это же потепление, полагаю, содействовало появлению в Прибалтике с юга балтских скотоводческих племен, что произошло как раз около 2200 г. до н.э.; возможно, в районах прежнего обитания балтов (на юге) началась засуха, а северные районы, напротив, в условиях более теплого климата стали вполне пригодными для ведения скотоводческого хозяйства [43; 45].

На рубеже III и II тыс. до н.э. наступило новое, не слишком продолжительное похолодание. Климат по обеим сторонам Урала был весьма влажным. В очередной раз заявила о себе проблема «избыточного населения», решавшаяся, как и прежде, за счет миграций. Зауральские финно-угры оказались к тому же перед лицом хозяйственного кризиса: на древней прародине леса стали заболачиваться, уровень воды в реках поднимался, затопляя пойменные луга – базу местного скотоводства. В конце концов пришлось двинуться на юг, где лесная полоса постепенно отвоевывала у степи новые территории. Там восточные финно-угры стали активно контактировать с жившими южнее иранскими народами, что оказало влияние на их переход в дальнейшем к ведению производящего хозяйства [4; 39; 41; 45].

Значительные переселения происходили и по другую сторону Урала. Племена финно-угров продвигались из ставших перенаселенными районов на запад, в бассейн Оки, и далее до Прибалтики. Более северные

районы (бассейны Вычегды и Печоры) также привлекали переселенцев относительным малолюдством и, вследствие этого, немалыми возможностями для охоты и рыболовства. Но похолодание все же существенно препятствовало освоению севера, и относительно массовые переселения в те края начались, думается, лишь после 2000 г. до н.э., когда началось потепление. По мере улучшения климатических условий приток населения на север увеличивался, достигнув, вероятно, пика к самой середине тысячелетия, поскольку около 1500 г. до н.э. климат и зимой и летом практически на всей территории нынешней России был теплее и суше [4; 11; 43].

В последующее время (примерно между 1400 и 1300 гг. до н.э.) климат снова изменился к худшему. Похолодание и увлажнение климата привели к постепенному отступлению широколиственных лесов на юг и запад; их место занимала еловая тайга, в которой зверя и птицы водилось в полтора, а то и в два раза меньше [41, с. 194; 47, с. 163–164], и прокормиться в них было куда сложнее. Так что миграции в северные районы если и продолжались, то в меньших масштабах. Напротив, похолодание могло воздействовать на отток части населения с севера; возможно, именно тогда началось движение населения Северного Зауралья (которое ученые связывают с древними уральцами [1]) в более южные районы Зауралья и смешение их в тех местах с северной частью угорских племен.

Вызванные климатическими изменениями и относительным перенаселением миграционные потоки, двигавшиеся в расходящихся направлениях (на юг, запад и север), привели на рубеже тысячелетий к распаду финно-угорской общности на две или даже три группы: угорскую, прафинно-волжскую и прапермскую (П. Хайду полагает, что прапермская и прафинно-волжская общности отделились друг от друга в середине I тыс. до н.э.) [45, с. 172, 199; 1].

Конечно, учитывая разнонаправленность миграций финно-угорских племен в европейской части (одна группа расселялась на север, другая – на запад), значительную отдаленность одного осваивавшегося региона от другого, их заметное природно-климатическое отличие, а также вполне вероятные значительные этнокультурные различия между дофинноугорскими обитателями двух этих регионов, влившимися в конце концов в состав финноязычных пришельцев, резонно предположить, что прафинским народам сложно было сохранить языковую общность, так что разделение прапермской и прафинно-волжской общностей вряд ли особо отстало по времени от выделения угров. Однако, поскольку, как уже отмечал автор выше, миграции прафинских на север в силу климатических условий все же, скорее всего, отставали по времени от переселений на запад, то и различия между двумя группами прафинских (северной, прапермской, и южной или, точнее, юго-западной, прафинно-волжской) племен, возможно,

более ярко проявились не на рубеже II и I тысячелетий, а ближе к середине II тыс. до н.э.

Как отмечает П. Вереш, сложные эколого-климатические условия последних веков II тыс. до н.э. сыграли важную роль в этнокультурной истории древних угров, живших в лесостепи Зауралья. В результате климатических изменений располагавшаяся на юге Западной Сибири территория их расселения подвергалась заболачиванию. Обитателям лесостепи, приравниваясь к новым эколого-климатическим условиям, приходилось сокращать поголовье крупного рогатого скота, либо разводить все больше лошадей, либо все больше внимания уделять охоте. Те, кто «сделал ставку» на коневодство, должны были переместиться подальше от болот, к югу. В результате, по мнению П. Вереша, уже около XII в. до н.э. начался процесс разделения древних угров, часть которых (будущие предки венгров) переселяется в степную зону; П. Вереш связывает с этой миграцией продвижение в степь племен черкаскульской археологической культуры между XII–X вв. до н.э. [5].

Конец II тысячелетия до н.э. принес очередное изменение климата и вызвал к жизни новый этап в истории финно-угров. Усилилось размежевание древнеугорских племен на мадьяр и обских угров. На юге Урала начались засухи, тайга отступила, и северные угры (будущие ханты и манси), пытаясь сохранить прежний комплексный экономический уклад (в котором, как говорилось выше, к этому времени значительно возросла роль охоты), решили уйти из засушливого региона на юге Урала и переселились на среднюю (и, возможно, нижнюю) Обь. Южные угры (будущие мадьяры) остались в степях и приспособились вести в изменившихся условиях иной образ жизни, перейдя к кочевому скотоводству. Разумеется, это разделение произошло не вдруг – различия в способах хозяйствования складывались в более ранний период, поскольку и ранее приграничные со степью районы Зауралья (где жили южные угорские племена) были удобны для развития скотоводства. В связи с этим уместно вспомнить мысль Л.Н. Гумилева о том, что именно пограничные ландшафты оказывают огромное влияние на формирование новых этносов. То, что именно в этот период (к концу II тыс. до н.э.), по мнению П. Хайду, финно-угры достигли Белого моря, очевидно, также следует связать с потеплением, способствовавшим освоению высоких широт [5; 7; 39; 45].

В первые века I тыс. до н.э. температура понизилась, что стало особенно заметно в IX в. до н.э. Это естественным образом вновь привело к появлению относительно избыточного населения, активизации переселений. Полагаю, что именно с этим можно связать наиболее интенсивное заселение прафинно-волжскими племенами ряда регионов, и в частности, Прибалтики, о чем пишет П. Хайду, называющий тот период «началом

прибалтофинской эпохи», а также возможный распад прафинно-волжской общности на прибалтийско-финскую, прамордовскую и прамарийскую. Наступившее похолодание сказалось и на окончательном отдалении друг от друга угорских народов. Тайга продвинулась на юг, тесня лесостепь. В результате обские угры оказались полностью в таежной зоне, и им пришлось изменять свой хозяйственный уклад (перспектив для ведения животноводства в условиях сокращения возможностей для выпаса скота практически не оставалось). Свою роль сыграл, вероятно, и усилившийся приток на их территорию упоминавшихся уже переселенцев с севера, вынужденных из-за похолодания мигрировать в более благоприятные места обитания. В конце концов, обские угры, перейдя к присваивающему хозяйству, забыли о коневодстве. А правенгры, уходя от надвигавшейся тайги и следуя за отступающей степью, переселялись на юг, где усилились их контакты с иранцами. В итоге дороги праугорских народов разошлись окончательно, и к середине I тыс. до н.э. их общность полностью распалась [2; 4; 39; 45].

В самой середине I тыс. до н.э. климат несколько улучшился. Возможно, с некоторым потеплением связано продвижение саамов в Финляндию и Скандинавию, о котором пишет П. Хайду, а также начало (или усиление) контактов прибалтийско-финских племен с балтскими – последние под воздействием потеплевшего климата продвинулись севернее, где столкнулись с предками ливов и эстонцев [45]. Во всяком случае, П. Хайду относил этот процесс как раз к середине I тыс. до н.э. [45, с. 80]. В эпоху потепления (VI–V вв. до н.э.), вероятно, на территории Карелии появились племена позднебеломорской (связанной с ананьинской историко-культурной общностью), а также позднекаргопольской (истоки которой – в Среднем Поволжье) культур [37, с. 45, 53].

Потепление оказалось недолгим, и вторая половина тысячелетия в целом, в особенности последние века оказались весьма холодными (в некоторых регионах – самими холодными в этом тысячелетии). Эти условия привели к кризисным явлениям в демографическом развитии финно-угорских народов: в Карелии и Финляндии сократилась численность населения. С похолоданием же можно связать и начавшийся процесс распада прапермской языковой общности – предки удмуртов начали обособляться от предков коми и коми-пермяков [38; 43].

Тогда же значительное развитие, вероятно, получили миграции у обских угров – в связи с чем, видимо, и началось выделение прамансийского и прахантыйского языков из обско-угорской общности (П. Хайду датирует начало этого процесса именно последними веками до н.э.), а также и у самодийцев, которые достигли Алтайского нагорья. Вполне вероятно, что эти переселения также были связаны с появлением относительно избыточ-

ного населения вследствие нехватки продуктов питания из-за ухудшившегося климата. Очевидно, эти интенсивные миграции стали шагом к распаду прасамодийской общности на северную и южную подгруппы. Завершился этот распад – равно как и разделение обско-угорских языков – позднее, когда климат стал снова меняться. П. Хайду относит распад самодийцев на северную и южную подгруппы и завершение разделения прахантыйского и прамансийского языков к первым векам нашей эры [45].

Можно предположить, что это произошло вследствие климатических изменений. Климат в первой половине I тыс. н.э. оставался неустойчивым, потепления чередовались с похолоданиями; наблюдались и существенные региональные различия. Похолодания вызывали увлажненность почв, затопление пойм, заболачивание, ограничивая природные ресурсы и вынуждая население либо менять тип хозяйствования, либо мигрировать в более благоприятные южные регионы [7, с. 261]. Вероятно, эти процессы сказались на усилении миграционной активности обских угров и самодийцев. Но и частичные потепления также вызывали миграции, но уже обратной направленности, когда, с одной стороны, кочевые южные народы, следуя за отступавшими на север степями, стали теснить прасамодийцев (Л.Н. Гумилев писал, что, в частности, III в. н.э. был весьма засушлив для всей степной зоны Евразии, что вызвало значительные миграции хуннов [9, с. 200]); с другой стороны, более северные регионы Сибири становились приемлемее для обитания, и часть самодийцев и обских угров переселялась туда.

С вызванными колебаниями климата переселениями хуннов непосредственно связана, вполне возможно, и история протомадьяр. Л.Н. Гумилев предположил, что одна из ветвей хуннов, переселившаяся на запад в середине II в. н.э., «перемешалась с уграми Волго-Уральского междуречья и превратилась за 200 лет в восточно-европейский этнос, который... принято называть “гуннами”» [9, с. 218–219]. В связи с этим предположением уместно вспомнить о созвучии названий этих народов: Hungarus (венгры) и Hunni (хунны, гунны); как пишет П. Хайду, первая согласная в названии «Hungarus» заимствована у хуннов (гуннов) [45, с. 34]. Не исключено, что часть протомадьяр (или угров, как выразился Л.Н. Гумилев) могла действительно смешаться с хуннами. Остальные протомадьяры под давлением последних переселились в другой регион; вероятно, появление протомадьяр в Башкирии было связано именно с этим и произошло во второй половине IV – первой четверти V в. н.э., когда миграции хуннов (гуннов) особенно активизировались вследствие наступившей кульминации временного усыхания степей на западе [39, с. 45; 9, с. 200]. В конце IV в. одна из групп протомадьяр, уходя от напора хуннов, переселилась в Северное Прикамье (Кунгурскую лесостепь), оказав влияние на местные племена [9, с. 276–277].

Климатическая ситуация меж тем вызвала к жизни новую волну миграций, на сей раз тюркских народов. Под их влиянием протомадьяры постепенно уходят из Башкирии в южнорусские травянистые степи, а оттуда дальше на запад [45, с. 16, 196]. Вызванные климатическими изменениями миграции, вошедшие в историю как Великое переселение народов, сыграли свою роль и в этногенезе марийцев. Давление разноязыких кочевников, а также, вероятно, славянских (или славяно-германских) племен из Северного Причерноморья, вторгавшихся в районы обитания прафинно-волжских народов и на соседние с ними территории в III и в конце IV вв., вызвало отход живших на границе леса и лесостепи местных племен на север – по Суре и Оке к Волге, затем в Поветлужье и на Большую Кокшагу. В приволжской части Окско-Сурского междуречья и в Поветлужье в последующее время (V–VII вв.) произошло формирование древних марийцев. Можно предположить, что обособление предков марийцев и родственной им мери (самые ранние мерянские памятники относятся к VI в.) также стало следствием Великого переселения народов [40; 42].

Существенное значение имели переселения той эпохи и в этногенезе мордвы: исследователи отмечают миграции цининско-мокшанских племен на территории расселения верхнесурской и окско-сурской мордвы, следствием которых стала значительная трансформация культуры местного населения. Видимо, и обособление мещеры и муромы от древнемордовских племен также явилось следствием бурных миграционных процессов той эпохи [6; 8; 44].

Не избежали воздействия миграционных процессов и праудмуртские племена. Выше уже говорилось о миграции протомадьяр в Прикамье в конце IV в. **Появились здесь и древнеславянские племена, и еще одна группа угров из Зауралья (на рубеже VI–VII вв.).** А древнеудмуртские племена, обитавшие в междуречье Уфы и Белой и в бассейне р. Тулвы, в результате массового притока иноязычных зауральских и южноуральских переселенцев, в VI–VII вв. **были либо ассимилированы, либо вынуждены были отойти к северу и западу** [7, с. 285, 289, 309]. Вероятно, с давлением пришлого населения связано заселение предками удмуртов верхнего течения р. Чепцы во второй половине V в. **или на рубеже V–VI вв., о чем пишут Р.Д. Голдина** [7, с. 364] и М.Г. Иванова [36, с. 208–209].

Даже в отдаленные районы Европейского Северо-Востока в V–VI вв. вторглись группы скотоводческого населения, которые археологи связывают с южными кочевниками-скотоводами, возможно, добравшимися сюда из степей Южного Зауралья; этническая принадлежность их дискуссионна. Это могли быть племена, имевшие отношение к гуннскому союзу, угорские народы, тюрки или смешанные по составу переселенцы, которые, видимо, слились с коренными обитателями края, войдя в состав населения вновь

возникавших объединений. По мнению археологов, с вторжением кочевников связано разделение единой общности предков коми и коми-пермяков на две разные, одна из которых располагалась в Вычегодском крае и на верхней Мезени, вторая – в Прикамье [1].

На нижней Оби, Печоре и верхней Вычегде появились угры и самодийцы, двигавшиеся на север и северо-запад по мере потепления климата. О довольно позднем появлении самодийцев в полярных районах свидетельствуют языковые данные [1; 2, с. 106; 48 и др.]. Это и логично – подобные миграции могли произойти лишь во время или, по крайней мере, в преддверии климатического оптимума. Аналогичным образом происходили, очевидно, и переселения обских угров.

«Великое переселение» непосредственно затронуло и южную часть расселения прибалтийско-финских племен. Так, исследователи отмечают вызванные переселениями народов военные столкновения, происходившие в середине I тыс. н. э. в Эстонии (где, замечу в скобках, жители занимаются земледелием, переход к которому был вполне логичен в менявшихся климатических условиях). Может быть, с этим связан отток части населения из Восточной Эстонии в IV–VII вв. в Ингерманландию [43]. Быть может, с «великим переселением народов» связано и начало процесса распада прибалтийско-финской общности, имевшего место, по мнению ряда исследователей, в VI–VIII вв. [45, с. 91]; на лингвистической карте Европы появились предки ливов, эстонцев, ижоры, вепсов, карел и финнов.

Великое переселение не затронуло разве что территории нынешних Карелии и Финляндии, куда волна степняков, очевидно, не дотянулась. Но и здесь переселения происходили довольно активно. Постепенное потепление климата благотворно сказалось на развитии хозяйства и демографических процессах. Уже в первой половине I тыс. н.э. стало расти население, создавались новые поселения, расширялась заселенная территория. Предки финнов, вепсов и карел постепенно переселялись на север, становившийся все более благоприятным для жизни. Освоившиеся там ранее саамы отступали севернее. По мере потепления, более успешного развития хозяйства, роста населения ширилась миграционная активность, увеличивалась заселенная прибалтийско-финскими племенами территория. Заселив Карельский перешеек, Прионежье, они все более интенсивно проникали на территорию Финляндии, продвигались в сторону Кольского полуострова и Белого моря [43, с. 269; 45, с. 92, 111].

Впереди были малый климатический оптимум, сыгравший огромную роль в складывании ряда финно-угорских этносов, и малый ледниковый период, приведший финно-угров едва ли не к повсеместной демографической катастрофе.

Литература и источники

1. Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Атлас Республики Коми. М., 2001.
3. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
5. Вереш П. Проблема определения финно-угорской прародины в свете новых данных // Ранние этапы этнической истории и современный физический облик финно-угров. М., 2001.
6. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
7. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
8. Гришаков В.В., Зеленев Ю.А. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
10. Жеребцов И.Л. Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России // Историческая демография. 2017. № 1 (19). С. 87–98.
11. Жеребцов И.Л. История заселения современной Республики Коми в новейших исследованиях (2001–2006) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. Сыктывкар, 2006. С. 124–135.
12. Жеребцов И.Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // Историческая демография. Москва–Сыктывкар, 2007. С. 193–201.
13. Жеребцов И.Л. О состоянии историко-демографических исследований // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. V. С. 416–417.
14. Жеребцов И.Л., Меньковский В.И., Таскаев А.М. Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980-е – 2016 гг.). Сыктывкар, 2016. 24 с.
15. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Тезисы докладов международной научной конференции. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1994. С. 33–35.
16. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 153–159.
17. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: человек и климат // Арт. 2000. № 1. С. 153–162.
18. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. М., 2000. № 7. С. 71–75.
19. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми // Историческая демография. Москва–Сыктывкар, 2007. С. 10–17.
20. Жеребцов И.Л. Климатические изменения и сельское хозяйство Коми края (XI – начало XX века) // Социально-экономическое и духовное развитие села Ре-

спублики Коми в XXI веке. Мат-лы научно-практической конференции. Сыктывкар, 2002. С. 102–106.

21. Жеребцов И.Л. К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 5–43.

22. Жеребцов И.Л. Изменения климата и история финно-угорских народов в Европейской России // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004. С. 162–164.

23. Жеребцов И.Л. Влияние изменений климата на процессы заселения Европейского Севера России. Сыктывкар, 2007. 32 с.

24. Жеребцов И.Л. Климат в древней истории финно-угорских народов // Гуманитарные исследования. Научно-исследовательский журнал. 2007. № 2. С. 68–71.

25. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Идентичность и изменяющийся мир. (Материалы к дискуссии на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, г. Ханты-Мансийск, Россия. 2008 г.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 31–47.

26. Жеребцов И.Л. Climat in the ancient history of the Finno-Ugric peoples // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 2. С. 34–43.

27. Жеребцов И.Л. Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, факторы демографического развития // Историческая демография. 2008. № 2. С. 8–15.

28. Жеребцов И.Л. Судьбу коми народа определил климат // Финноугория. Этнический комфорт. 2008. № 4. С. 18–20.

29. Жеребцов И.Л. Климат в древней истории финно-угорских народов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2010. № 1. С. 87–92.

30. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. V. С. 64–72.

31. Жеребцов И.Л. От климатического оптимума – к минимуму: историко-демографическое развитие финно-угорских народов в VIII–XVIII вв. // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14.VIII.2010). Summaria acroasium in sectionibus. Piliscsaba, 2010. Pars II. С. 283–284.

32. Жеребцов И.Л. Малый ледниковый период в истории финно-угорских народов Европы // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 30–34

33. Жеребцов И.Л. Роль климатических изменений в процессе заселения Европейского Севера // Историческая демография. 2010. № 1. С. 4–19.

34. Жеребцов И.Л. Влияние климатических изменений на этнокультурную ситуацию на Европейском Северо-Востоке в I – начале II тыс. н.э. // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 25–31.

35. Жеребцов И.Л. Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока // Историческая демография. Сыктывкар, 2014. № 1 (13). С. 7–13.

36. Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

37. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

38. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
39. Контлер Л. История Венгрии. М., 2002.
40. Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
41. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
42. Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
43. Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
44. Рябинин Е.А. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
45. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
46. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
47. Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
48. Этническая история народов Севера. М., 1982.
49. Lamb H.H. Climate: Present, past and future. London, 1881. Vol. 1, 2.
50. Landcebery N.E., Dooglas K. Fragmentary accounts at weather and climate in America (1000-1670 DC) and on coastal storm to 1825 // Technical Note BN-1029. University of Meryland, 1984. XI.

От климатического оптимума – к малому ледниковому периоду

Малый климатический оптимум VIII–XIII вв. сыграл весьма важную (в ряде случаев – ключевую) роль в истории финно-угорских – да и не только финно-угорских – народов. Уместно вспомнить, что Л.Н. Гумилев именно к рубежу тысячелетий относил период нового подъема деятельности человека и образования средневековых этносов [14, с. 209].

В самом начале климатического оптимума завершился распад прибалтийско-финской и пермской общностей. Во время климатического оптимума завершилось заселение Карелии (заключительной датой этого процесса исследователи считают XII век), в Приладожье появляется (в XI–XII вв.) сельскохозяйственное производство, что способствовало росту численности населения [68, с. 95; 31, с. 63, 67]. Активно шло и заселение Финляндии, происходившее уже не за счет притока переселенцев извне (этот процесс закончился, по мнению П. Хайду, примерно в VIII в. [68, с. 92], т.е. опять-таки в начале оптимума), а за счет прироста местного населения, что стало возможным в благоприятных климатических условиях. А в XI–XII вв. в ходе миграций и смешивания населения формируется финский язык [68, с. 91]. Во второй половине I тыс. н.э. возросла плотность населения Эстонии [35, с. 7].

Аналогичные процессы происходили в этот же период и в других регионах. Так, переход мордвы к пашенному земледелию [55] также позволил получать больше продуктов питания и способствовал росту числа жителей. Увеличивалась и численность марийцев. Обские угры и самодийцы в этот период, очевидно, окончательно осваиваются в Северном При- и Зауралье. Обские угры (и, в частности, вогулы, т.е. древние манси) в XII в. все более активно обживают берега Вычегды, тесня обитавших там древних коми [15; 26; 27; 69; 72]. По данным археологов, древние коми обитали в районе современных Сторожевска и Пезмога в XII в., а затем были вытеснены оттуда вогулами [42, с. 139–191]. Возможно, в это время имел место какой-то приток обско-угорских племен в Вычегодский край.

Венгры были застигнуты потеплением, очевидно, в травянистых степях, куда ушли с территории Башкирии [68, с. 196]. Вновь, как двумя тысячелетиями раньше, им пришлось уходить с обжитых мест из-за аридизации и постепенного изменения ландшафта. Полагаю, эстонский ученый Х.Сарв в докладе на III международном историческом конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, октябрь 2003 г.) вполне справедливо связал переселение мадьяр на территорию современной Венгрии именно с малым климатическим оптимумом. В IX в. мадьяры были уже в Задунавье, где, как отмечали исследователи, географические условия территории весьма благоприятны для продолжения занятий скотоводством и развития земледелия [43, с. 15].

В тот же период, в IX в., на верхней Каме и ее притоках сложилась родановская археологическая культура, принадлежавшая предкам коми-пермяков. Помимо ломоватовцев, сыгравших основную роль в возникновении родановской культуры, некоторое участие в формировании родановцев приняли небольшие группы обско-угорского и ненецкого населения, приходившие в Прикамье из Северного Зауралья и предгорий Северного Урала. С верховьев р.Чепцы в верховья Камы и верховья Иньвы и Обвы переселялись удмурты, ассимилированные затем коми-пермяками. Кроме того, в состав северных родановских племен вошли и выходцы из Вычегодского края – вначале ванвиздинцы, появившиеся в Северном Прикамье в VII–IX вв., а затем, с рубежа I–II тысячелетий – древние коми-зыряне (пермь вычегодская) [32]. Особенно значительным было участие переселенцев из бассейна Вычегды (и конкретно с р.Сысолы) в формировании зюздинских коми-пермяков на верхней Каме. Некоторое время Верхокамье и Верхняя Сысола составляли одну административно-территориальную единицу [24]. Ряд исследователей говорит о близости верхнесысольских коми и верхнекамских коми-пермяков. Об этом свидетельствуют, в частности, данные языкознания (большое сходство между диалектами, на которых говорят верхнесысолы и зюздинцы) [26; 29]. Наконец, в состав коми-пермяков вошел и определенный славянский компонент.

Малый климатический оптимум VIII–XIII вв. оказал непосредственное влияние и на складывание предков древних коми (зырян) – археологической культуры перми вычегодской. Отмечу, что проблема ее происхождения по-прежнему является дискуссионной. Согласно одному мнению (выдвинутому археологом В.И. Канивцом и развитому и наиболее последовательно отстаиваемому археологом Э.А. Савельевой), эта культура (называемая также вымской) сформировалась на основе древнекоми ванвиздинской культуры и генетически связана с ней; пермяне вычегодские (древние коми-зыряне) являются, таким образом, автохтонным населением Вычегодского бассейна. Данная точка зрения отрицает какие-либо значительные перемещения населения из Прикамья в Коми край и участие камских переселенцев в формировании пермян вычегодских как не подтвержденные археологическими материалами [25; 58–63].

Вторая точка зрения, напротив, предполагает ведущую роль переселенцев из Прикамья в формировании культуры перми вычегодской. Местное ванвиздинское население (не древнекоми, но родственное ему западно-финское, угорское или какое-либо иное) было ассимилировано переселенцами. Определенное участие в сложении пермян вычегодских группы славяно-русского и волжско-финского населения также не отрицается. Языковеды В.И. Лыткин и В.А. Ляшев ссылались при этом на лингвистические данные. Археологи Г.М. Буров и А.М. Мурыгин обра-

щают внимание на археологические данные, говорящие, по их мнению, о такой близости перми вычегодской и родановской культуры по ряду признаков, которую можно объяснить лишь переселениями раннеродановского населения в бассейн Вычегды. Этнографы Л.П. Лашук и Н.Д. Конаков в подтверждение этой же точки зрения указывают на резкую смену хозяйственно-культурного типа населения Вычегодского бассейна на рубеже I и II тысячелетий н.э. [6; 40; 44; 47; 48].

Как представляется, истина должна быть где-то посредине между двумя этими воззрениями. (В этом плане представляются весьма перспективными изучение археологом Н.Н. Балиной локальных вариантов ванвиздинской и вычегодской культур, Т.В. Истоминой – сысольских памятников перми вычегодской, ряд наблюдений К.С. Королева в отношении средневековых средневычегодских памятников). Можно предложить следующую гипотезу. Вероятно, в формировании древних коми участвовали две основные этнические группы – как местное ванвиздинское население, так и переселенцы из Прикамья (причем обе эти группы были родственными между собой), но роль их в сложении пермян в разных районах края была неодинакова. На Выми и нижней Вычегде, очевидно, главным элементом стали ванвиздинцы, а на Сыsole и, быть может, верхней Вычегде, наоборот, сильнее было влияние переселенцев из Прикамья (по крайней мере, последние исследования археологов позволяют говорить о весьма тесных связях сысольцев с Прикамьем). В сложении прилузских коми (в Прилузье, кстати, до сих пор не найдено ванвиздинских археологических памятников) свою роль сыграли также группы прибалтийско-финского и волжско-финского населения.

Еще раз подчеркну, что «рождение» коми народа стало, можно сказать, в известном смысле следствием климатических изменений. Ведь переселения из Прикамья на территорию современной Республики Коми начались, вероятно, еще в VIII в., когда потеплевший климат сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов (замечу в скобках, что развитие земледелия и животноводства в Вычегодском крае, на территории, заселенной ранее ванвиздинцами, стимулировалось не только перениманием опыта пришельцев-южан, но и самими климатическими изменениями, позволившими «бывшим ванвиздинцам», становившимися в той или иной мере пермью вычегодской, получать от производящих форм хозяйства куда большую отдачу, чем это было бы возможно ранее). Безусловно, эти переселения являлись не единым актом, произошедшим в течение относительно короткого отрезка времени. Это был длительный процесс, занявший не одно столетие, состоявший, вероятно, из нескольких этапов или миграционных волн, причем миграции шли, видимо, не на дальние расстояния, не сразу с Камы на

Вычегду, а постепенно, с освоением промежуточных территорий. Такого мнения придерживался, в частности, Л.Н. Жеребцов [26].

Малый климатический оптимум приносил финно-уграм отнюдь не только благо, но и немалые проблемы, связанные с тем, что территории их обитания стали, во-первых, более привлекательными для населения более южных районов, а во-вторых, более доступными, поскольку плавать по главным для той эпохи морским и речным путям стало куда проще. Так, вследствие благоприятной ледовой обстановки в северных морях во второй половине I тыс. н.э. и особенно в IX–X вв. оживились морские набеги скандинавов на восточное побережье Балтики и, в частности, на территорию Эстонии [3, с. 28; 35, с. 10; 74, с. 102]. Имели место и набеги викингов на север нынешней России, в так называемую Биармию, населенную, очевидно, финно-угорскими народами, которая, как полагают многие исследователи, располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии. А в 1100 г. начался «период крестовых походов» шведов в восточную Прибалтику [36, с. 269]

Не отставали от скандинавов и русские властители: с X в. начались походы в Эстонию киевских князей, с XI в. – новгородцев [35, с. 11]. Уже, по крайней мере, в XI в. Новгородская республика предпринимает шаги по установлению контроля и над территориями обитания финно-угорских народов Севера. В «Повести временных лет», составленной в XII в. и включившей в себя более ранние летописи XI столетия, упоминаются жившие на северо-востоке Европы народы «пермь» и «печера», которые «дань дают Руси» (и конкретно Новгороду). В 1032 г., согласно тому же документу, состоялся неудачный поход новгородского воеводы Улеба «на Железные врата» (возможно, к Уралу). В 1096 г. был предпринят поход новгородцев, отправленных Гюрятой (Георгием) Роговичем, на Печору за данью и в Югру (Зауралье). Еще один известный поход новгородцев на Северо-Восток состоялся в 1114 г. Как подчеркивает исследователь истории климата Е.П. Борисенков, в период потепления в X в. новгородцы вышли на берег Русской Арктики, а в 1132 г. ходили к Железным воротам, (под которыми, предположил ученый, подразумеваются Карские ворота), что указывает на сравнительно благоприятные ледовые условия в XII в. [3, с. 28]. А в XII в. **между Швецией и Новгородом началась борьба за господство в Финляндии и Карелии** [73, с. 42].

Вслед за воеводами двигались и крестьяне. Уже в VI–VIII вв. славяне начали проникать в южную Ингерманландию, в X в. их приток в Ингерманландию стал более массовым [46, с. 188]. В XI в. русские жители появились в Приладожье [31, с. 66], в XI – начале XII в. в западной части бассейна Северной Двины (низовья Северной Двины, верхняя Сухона), а в XII в. – и на землях древних коми, живших тогда значительно западнее

нынешней территории их расселения. Э.А. Савельева считает XII столетие началом периода активной древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока, с которой связано, в частности, появление древнерусских городищ на нижней Вычегде и Выми [60; 62]. Но если в Вычегодско-Вымском крае возникновение городищ не сопровождалось массовыми крестьянскими переселениями, то в более западной части территории расселения древних коми (пермян вычегодских) складывалась иная ситуация. Продвигавшиеся туда новгородцы и суздальцы основали ряд населенных пунктов на Северной Двине, Ваге, Сухоне, Юге и других реках. Особенно большое значение имело основание в конце XII – начале XIII в. Гледеня и Устюга, сыгравших огромную роль в присоединении к Русскому государству земель по Малой Северной Двине, Югу, нижней Сухоне (где могли жить пермяне), Лузе и низовьям Вычегды, где, несомненно, имелось древнекоми население. Гледень, а затем Устюг стали опорными пунктами, вокруг которых началась русская земледельческая колонизация, со временем охватившая все вышеназванные районы.

В XIII в. приток переселенцев в бассейн Северной Двины из русских княжеств возрос вследствие разорения последних из-за монголо-татарского нашествия (интересно, что скандинавские саги упоминают о том, что от татар пострадали даже «биармийцы», многие из которых бежали к викингам, прося у них помощи). Возможно, именно вследствие усиления притока русских переселенцев жившие на Северной Двине и ее западных притоках пермяне и представители других финно-угорских этносов были, за небольшими исключениями, ассимилированы. Некоторая часть древних коми могла отойти в районы, расположенные севернее территории первоначального расселения – в частности, на Вашку и Пинегу.

Проникновение русских в Прикамье и, в частности, в районы расселения древних коми-пермяков, началось на исходе XII в. В конце XII в. суздальцы создают первые опорные пункты на северных подступах к Уралу, стремясь сдержать проникновение новгородцев. В свою очередь, в конце XII – начале XIII в. на Вятке появился ряд новгородских укрепленных городков. Миграция русских в Приуралье усилилась в XIII–XIV вв. Часть русских переселенцев оседала в коми-пермяцких населенных пунктах, входила в состав их соседских общин [32; 53]. Наибольшее давление славян испытали меря, мурома и мещера, которые в конечном итоге были ассимилированы [13; 45; 57]. Жившие в более отдаленном регионе мордва и мари избежали подобной участи.

Скандинавы и славяне были не единственными европейскими народами, представлявшими тогда естественную угрозу для финно-угров. С юга на земли прибалтийских финно-угров двигались немецкие феодалы. Движение немцев на восток началось еще в VIII в., но лишь к 60–70-м гг.

XII в. они вышли к границам Польши и Литвы, а в 1208 г. состоялся первый поход немцев в южную Эстонию; за ним последовали и другие. В наибольшей мере испытали на себе последствия немецкой экспансии ливы [11, с. 147; 35, с. 10, 11, 12; 74, с. 103]. Немало немцев обращало взор и на Венгрию, которая и в XI–XII вв., несмотря на прирост населения (страна не знала голода, зерно было дешевле, чем в Западной Европе), оставалась относительно малолюдной. Однако здесь колонизация шла мирным путем (должно быть, страх перед венгерскими стрелами еще не был изжит), да и места на окраинах страны было в изобилии, тем более что земледелие у венгров еще не играло видной роли в хозяйстве [41, с. 86].

Продвижение сразу трех мощных военно-политических сил на территории финно-угорских народов, оказавшееся для абсолютного большинства их (кроме венгров) едва ли не катастрофическим и приведшее к тому, что ни один из финно-угорских народов (кроме опять-таки венгров) не создал своего национально-государственного образования вплоть до XX в., было вызвано, естественно, не случайным совпадением по времени, а тем, что скандинавы, немцы, русские (славяне) в этот период (примерно с VIII в.) проходили один цикл развития. В связи с этим уместно, во-первых, вспомнить о приводившемся уже высказывании Л.Н. Гумилева относительно периода нового подъема деятельности людей и формирования этносов на рубеже тысячелетий, связав это, в частности, и с развитием (подъемом) государств.

Во-вторых, еще более уместным здесь представляется вспомнить о теории демографических циклов, в соответствии с которой история человеческого общества, конкретных цивилизаций и государств состоит из повторяющихся демографических циклов. Каждый цикл включает два периода длиной от нескольких десятилетий до одного или даже более столетий: период внутренней колонизации (называемый также периодом восстановления), для которого характерны рост населения, освоение новых земель, внутриполитическая стабильность, относительно высокий уровень потребления основной массы населения и др., и в целом – низкий уровень так называемого «демографического давления»; и период сжатия, суть которого в замедлении или прекращении роста населения, упадке сельских поселений, низком уровне потребления основной массы, политической нестабильности и некоторых других явлениях, характеризующихся в целом как высокий уровень «демографического давления», приводящий, как правило, к этносоциальному кризису и даже демографической катастрофе [50, с. 19].

Эта в целом весьма интересная теория, достаточно обоснованная рядом зарубежных и отечественных ученых (особо отмечу работу С.А. Нефедова [50]), вполне применима и к анализу интересующих нас вопросов. Правда, она нуждается, на мой взгляд, в определенном развитии, причем

довольно значимом, а именно в сопоставлении демографических циклов с изменениями климата, колебания которого, как уже неоднократно говорилось, вызывают к жизни значительные перемены в хозяйственной деятельности, уровне потребления и, соответственно, в конечном итоге, пользуясь терминологией теории демографических циклов, в уровне демографического давления. Таким образом, с моей точки зрения, как раз климатическими изменениями и определяются демографические циклы. Ситуация с демографическим циклом, приходившимся в Европе на период климатического оптимума и последующее время, довольно ярко об этом свидетельствует.

Исследователи отмечали, что в Западной Европе, в частности, в XI–XIII вв. имело место увеличение численности населения, сопровождавшееся расширением посевных площадей, экономическим ростом, приобретением все нового «жизненного пространства» и т.п. [50, с. 8], т.е., по крайней мере, с начала II тысячелетия (а вполне вероятно, еще с VIII в., с начала климатического оптимума, максимум которого, по мнению Е.П. Борисенкова, в Европе пришелся, вероятно, на 1200–1250 гг. [3, с. 25]) западноевропейские страны, а также и русские княжества переживали первый период такого демографического цикла – период внутренней колонизации (или, как писал Л.Н. Гумилев, подъема этносов).

В последующее время ситуация стала меняться. Климатический оптимум завершился, и в XIV в. **маятник природы качнулся в обратную сторону**: началось постепенное похолодание. И именно тогда начался второй период демографического цикла в западноевропейских странах – период сжатия. Западные ученые указывали, что рост численности населения в Германии в XII–XIV вв. привел к исчерпанию ресурсов пахотных земель; продолжавшийся демографический рост привел к перенаселению, к измельчанию крестьянских наделов, росту числа безземельных крестьян, падению реальной заработной платы, нехватке продовольствия, росту цен на зерно, голоду и высокой смертности населения, народным бунтам. А пандемия чумы («Черная смерть») 1347–1353 гг. в этих условиях (даже не считая «рецидивов» 1361 и 1369 гг.) привела к гибели около половины ослабшего от голодовок населения Европы. Этот «кризис XIV века» рассматривается как демографическая катастрофа, завершившая демографический цикл [50, с. 7, 8].

В связи с этим остается добавить, во-первых, что голод вызывался неурожаями, которые повторялись год от года (исследователи и сами отмечают, что голодные годы в тот период стали учащаться, и в 1310-х гг. вся Европа была охвачена страшным голодом). А участвовавшие и усиливавшиеся неурожаи как раз и стали следствием усилившейся в период перехода от климатического оптимума к климатическому минимуму внутрисе-

зонной изменчивости климата с присущими ей такими климатическими экстремумами, как засухи, наводнения, тайфуны и др., на что указывает Е.П. Борисенков, отмечающий, что потепление прекратилось в Европе примерно в начале XIV в. [3, с. 25], как раз накануне неурожаев 1310-х гг.

Во-вторых, исследователи справедливо объясняют, что опустошительное действие «Черной смерти» объяснялось тем, что она обрушилась на население, ослабленное постоянными голодовками [50, с. 8]. Однако можно ли только изнуренностью населения объяснить возникновение пандемии? Ведь ничуть не менее и даже куда более жестокие неурожаи и голод имели место в 1640-х и 1690-х гг. в Европе едва ли не повсеместно, однако же эпидемии чумы в тот период отнюдь не приобретали характер пандемии. Очевидно, сам период таил в себе какие-то условия, способствовавшие возникновению и развитию пандемии. И этими условиями могли быть как раз изменения климата. Случайно ли пандемия возникла именно в переходный период от теплого к холодному климату? Может быть, изменившиеся условия стали более благоприятными для развития чумных микробов?

Известно, что сезонная изменчивость климатических условий влияет на возникновение и распространение разнообразных вирусных заболеваний, что многие вирусы и иные возбудители болезней могут развиваться и размножаться только при определенных климатических условиях [3, с. 84, 101]. Естественно, что и на микроорганизмы, микробы климатические условия оказывают воздействие. Можно ли объяснить случайным совпадением, что за два тысячелетия нашей эры известны три пандемии чумы – VI («Юстинианова Чума»), XIII (упоминавшаяся «Черная смерть») и конца XIX вв. (которая, к счастью, не имела столь катастрофических последствий благодаря развитию медицины) [2, т. 29, с. 258], и все они приходятся именно на переходные климатические периоды – от холодного на рубеже эры к климатическому оптимуму рубежа **I и II тысячелетий, от климатического оптимума к малому ледниковому периоду** (пик которого пришелся на конец XVI–XVII вв.) и, наконец, назад от холодного периода, окончательно завершившегося в **XIX в., к новому потеплению XX в. Три переходных сезона с их климатической изменчивостью, три пандемии чумы...** Впрочем, спешу на всякий случай принести извинения специалистам – разумеется, это не более чем наивная гипотеза дилетанта.

Финно-угорские народы, стоит это отметить, пандемия чумы затронула, видимо, в меньшей степени. Во всяком случае, Венгрию она обошла стороной (вероятно, из-за малолюдности, обширных незаселенных пространств) [41, с. 113]; нет никаких сведений о проявлениях свирепствовавшей по всей Европе «Черной смерти» в Финляндии [73, с.46], Карелии, Коми и других финно-угорских регионах. Пожалуй, последствия на-

чавшихся перемен климата тяжелее других отразились лишь на населении Эстонии. Вероятно, бунты местного населения в 1343–1345 гг. (вошедшие в историю как «Восстание Юрьевой ночи») были вызваны не только (и, быть может, даже не столько) тяжестью повинностей, произволом и национальным гнетом властей, как традиционно объяснялось [35, с. 16; 74, с. 104–105; 2, т. 30, с. 420], но и наложением всего этого на вызванные упоминавшейся уже сезонной изменчивостью климата неурожаи и вызванный ими голод. Во всяком случае, Е.П. Борисенков и В.М. Пасецкий приводят данные о целой серии стихийных бедствий, имевших место в конце 1330-х и первой половине 1340-х гг. и отраженных в русских летописях [4, с. 88–92; 6]. Вполне вероятно, что эти бедствия (или, по крайней мере, часть их) захватили и Эстонию.

Венгрия, где земледелие в XIV в., видимо, уже заняло весьма важное место в хозяйстве, была, возможно, также затронута неурожаями и голодом; во всяком случае, во второй половине XIV в. стоимость рабочей силы там возросла, так что, очевидно, ощущалась ее нехватка [41, с. 122]. Впрочем, возможно, дело в относительной малонаселенности страны и в том, что земледелие как раз переживало здесь период быстрого развития, конкурируя с традиционно развитым животноводством.

У северных финно-угров земледелие еще не играло в XIV в. доминирующей роли, так что неурожаи для них не могли иметь катастрофических последствий. В Финляндии в это время население быстро росло, вследствие чего произошло сплошное заселение Южной Финляндии и побережья Похьянмаа (Эстерботния). Карелы обживали северные и некоторые другие, незаселенные ранее районы. В целом в этом регионе за неполный XIV в., отмечает Э. Ютиккала, заселение охватило территорию более обширную, чем за предшествовавшее тысячелетие [73, с. 46; 54, с. 59]. Росло население Коми и Коми-Пермяцкого края.

В том же XIV в. усилился приток русских крестьян в Восточную Карелию [31, с. 74] и западные районы Коми (на нижнюю Вычегду, нижнюю Лузу); даже в самом центре Коми края, близ устья Выми, возникло русское поселение – Усть-Вымский городок. В XIV – начале XV в. появилось оседлое русское население на свободных землях Верхнего Прикамья. В XV в. процесс русской колонизации региона от Ингерманландии и Карелии до Коми края и Верхнего Прикамья продолжался и даже усиливался. Наибольшее число переселенцев оседало в Подвинье, постепенно превращавшемся из финно-угорского в Русский Север. В других районах финно-угорские народы продолжали доминировать. В Ингерманландии, например, в конце XV в. количество русских еще значительно уступало финноязычному населению [46, с. 188]. Несмотря на некоторое сокращение

территории расселения, абсолютная численность коми и других северных финно-угров в XV в. продолжала увеличиваться.

Даже в первой половине XVI в., несмотря на вполне явственно проявившееся похолодание климата, население еще продолжало расти. Исследователи отмечают, в частности, прирост числа жителей Карелии в этот период [54, с. 80; 31, с. 136]; возросло и количество обитателей Коми [24; 25]. По мере увеличения численности населения возникли проблемы: требовалось добывать все больше зверя, птицы, рыбы. Нужны были новые охотничьи и рыболовные угодья, а вблизи селений найти их было уже очень трудно. В конце концов, в старожильческих районах не осталось свободных промысловых угодий. Охотники в поисках добычи вынуждены были уходить все дальше и дальше от дома. Начался перепромысел зверей: их становилось все меньше.

В этих условиях все большее значение в хозяйстве карел и коми приобретали земледелие и животноводство, к которому они приноровились в период климатического оптимума. Правда, у карел земледелие приобрело доминирующее значение, вероятно, лишь к середине XV в. [31, с. 69], а у коми и того позже. Даже в начале XVI в. по слова польского историка той эпохи М. Меховского, в Пермской (Коми) земле, Карелии и Югре «не пахут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесной дичью, которая у них водится в изобилии, и пьют только воду» [64]; правда, в трудах западных авторов излагались, как правило, сведения, относившиеся к существенно более раннему времени – информация, передававшаяся «из уст в уста», запаздывала на десятилетия. В первой половине XVI в. земледелие играло важное место в хозяйстве жителей Карелии и Коми, став во многих районах (особенно южных) ведущим источником пропитания. (Замечу в скобках о примечательном совпадении – в далекой Венгрии именно в XVI в. также наблюдался, по выражению историка Л. Контлера, «сельскохозяйственный бум» [41, с. 174]).

Но в середине столетия ситуация изменилась. Удобные для земледелия площади по берегам рек в заселенных районах довольно скоро оказались заняты (например, в Карелии из возделывавшейся в конце XVII в. пашни 90% были освоены к середине XVI в., а за последующее столетие удалось вовлечь в сельхозоборот лишь 10%) [31, с. 148]. Нужно было расчищать пашню в лесах, однако несовершенство существовавших орудий труда делало такие расчистки слишком трудоемкими. Земли перестало хватать, у коми и карел начался «земельный голод». Ощущался и недостаток сенокосных угодий, необходимых для содержания скота. Трудности в сельском хозяйстве усугублялись изменениями в климате. Наступил так называемый малый ледниковый период. Если первые десятилетия XVI в. были еще относительно не благоприятными, то, по крайней мере,

терпимыми, то затем резко возросло количество экстремальных природных явлений. Температура понизилась, частыми явлениями стали различные стихийные бедствия (ранние заморозки, засухи или чрезмерно обильные дожди, град и т.п.) [5, с. 189]. Это приводило к неурожаю, подрывавшим хозяйство крестьянина, вызывавшим голод и высокую смертность населения. К тому же по мере похолодания климата тайга стала наступать на и без того немногочисленные открытые пространства, луга зарастали или в условиях повышенной увлажненности заболачивались.

В поисках новых промысловых и сенокосных угодий и пахотных земель люди обращали взоры к соседним оставшимся еще необжитыми или слабозаселенными районам. В Карелии жители мигрировали на восток, на Олонецкую равнину и к Онежскому озеру, и на север, в Лопские погосты и к Белому морю. Эти переселения, происходившие еще в конце XV в., значительно усилились в XVI столетии [31, с. 116–117, 139, 143]. Переселения коми на восток и север поначалу препятствовали враждебные отношения с обским уграми (вогулами) и самодийцами (самоядью), а переселениям на юг (в частности, на Летку) – с русскими (вятичами). Но «вогульская» и «самоядская» проблемы в XVI в. решились сами собой: обские угры откочевали с верховьев Вычегды и Печоры за Урал, а ненцы, вероятно, перестали посещать верхнюю Мезень и среднюю Ижму. Можно предположить, что эти события были связаны с упоминавшимися выше воздействиями климатических изменений на некоторые ландшафтные изменения, вследствие которых для кочевых угро-самодийских народов перечисленные районы перестали представлять интерес. Вследствие этого коми получили возможность в середине и второй половине XVI в. начать освоение верхней Мезени, Ижмы, района близ впадения Сысолы в Вычегду (где появилась нынешняя столица Коми Сыктывкар) и двигаться дальше вверх по Вычегде. Однако такие переселения относительно избыточного населения могли принести лишь временное облегчение.

Дополнительные трудности для этнодемографического развития вызывал и продолжавшийся приток на финно-угорские земли русских крестьян. Если в более плодородной Венгрии, где в XVI в. также имела место значительная иммиграция славян, это процесс не имел сколь-либо существенных негативных последствий для венгерского населения, имевшего свою государственность [41, с. 203], то на севере с его скудными почвами появление многочисленных иноязычных переселенцев с иным культурно-бытовым и хозяйственным укладом независимо от чьего-либо желания создавало проблемы как для традиционного местного охотничье-рыболовческого хозяйства, так и для производящих отраслей хозяйства (возникала естественная конкуренция за угодья). В конце XV–XVI вв. после освоения нижней и средней Мезени и низовьев Вашки русские появились

в низовьях Печоры, населенных самодийцами, где возникли Пустозерский городок и Усть-Цильма. В этот же период русские стали большинством населения на Пинеге и нижней Вычегде – до р. Яренги и деревни Межог (на нижней Вычегде коми, однако, жили еще и в XVII в.). Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве. Во-первых, росло крупное землевладение, что сопровождалось усилением крепостничества, когда вместе с укреплением феодального способа производства и ростом крепостнических отношений все более массовые масштабы принимало бегство крестьян из центральных районов страны на Север. Кроме того, на восток стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель [38, с. 79; 39, с. 233, 237]. Если бы переселения русских крестьян на Европейский Северо-Восток продолжались в больших размерах и далее, то коми и карелы, скорее всего, разделили бы судьбу финно-угорских племен Подвинья, ассимилированных пришельцами так же, как когда-то ранее финно-угры ассимилировали обитавшие тут до них племена.

Однако похолодание климата сделало земли карел и коми с их скудными северными почвами далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как в предшествовавшие столетия. Поэтому, когда под ударами «государевых ратей» пали Казанское, Астраханское и Сибирское ханства и перед русскими крестьянами открылись просторы Поволжья, Приуралья, Сибири, то тысячи переселенцев устремились на эти территории и, в частности, на земли марийцев и мордвы. Исследователи отмечают значительный приток русских в Марийский и Мордовский края во второй половине XVI в. Так, из 92 селений Арзамасского уезда конца XVI в. только 46 оставались чисто мордовским, во всех остальных находились и русские жители [56, с. 102–103, 55, с. 71, 84, 110]. Разумеется, и в Карелии, и в Коми продолжали появляться русские переселенцы. Так, часть русских мигрантов с Подвинья, проходя через Коми край, задерживалась здесь. Но массовый приток переселенцев на этническую территорию коми и карел прекратился, а имевшие место в конце XVI – XVII в. миграции уже не оказывали былого воздействия на развитие карельского и коми этносов. Именно с прекращением массовых миграций русских на территорию Коми края следует, в частности, связать стабилизацию западной границы этнической территории коми в конце XVI – начале XVII в., о которой писал видный ученый Л.Н. Жеребцов [26]. В последней четверти XVII в. в Сибири насчитывалось около 130 тысяч переселенцев из Европейской России, примерно две трети которых проживали в самом западном Тобольском регионе, по соседству с Коми краем [9; 10]. Что было бы с коми народом, если бы всего лишь четверть от этого числа поселилась в Коми крае, где в середине XVII в. насчитывалось всего 15–16 тысяч коми?..

Пик малого ледникового периода (климатический минимум) пришелся на вторую половину XVI–XVII вв. В частности, участвовавшие стихийные бедствия приводило к неурожаям, подрывавшим крестьянское хозяйство, вызывавшим голод и высокую смертность населения. Русские летописи, в частности, полны сообщений о «хлебном недороде» и «великом глaде». С климатическим минимумом был связан острый демографический кризис, проявившийся в замедлении прироста населения, а в ряде случаев – и в сокращении численности населения в финно-угорских регионах.

В Венгрии потери населения вследствие проявившихся кризисных явлений в земледелии (запустение пашни) усугубились еще и военными потерями. Правда, во второй половине XVI в. венграм еще удалось избежать большой убыли населения благодаря развитому животноводству, для которого сокращение посевных площадей было даже выгодным (бывшие пашни использовались как пастбища), однако уровень общей численности населения страны удалось поддержать лишь за счет славянских переселенцев. Но в XVII в. по мере усугублявшихся климатических катаклизмов, на которые наложились последствия войн, демографическое развитие Венгрии явственно перешло в кризисную фазу: в начале XVII в. система расселения пришла в упадок, сельские поселения пустели и подолгу (а то и вовсе) не восстанавливались, население умирало от голода и добравшейся таки до венгров почти через три века после «Черной смерти» чумы, эпидемии которой бушевали в стране в середине столетия несколько десятилетий. В 1685 г. в Венгрии жили 3,5 млн. человек – весьма много по финно-угорским меркам, однако примерно столько же жителей было в стране еще в конце XV в. [41, с. 203, 211, 245].

Еще более печально складывалась ситуация в Эстонии. Как отмечают историки, к концу XVI в. в северной Эстонии запустела половина хуторов, на острове Сааремаа – треть; Западная Эстония пострадала еще сильнее, а в окрестностях г. Тарту опустело свыше 70% хозяйств. Если в середине XVI в. в Эстонии проживало не менее 250 000 чел., то к исходу столетия здесь осталось около 100 000. В 1630–1640-х гг. в Эстонии насчитывалось 70, в лучшем случае 100 тысяч жителей [74, с. 108; 35, с. 27]. Отмечу, что исследователи обычно сводят причины демографической катастрофы в Эстонии к последствиям Ливонской, шведско-польской и шведско-датской войн второй половины XVI – первой трети XVII в. и эпидемии чумы. Однако, как и в Венгрии, негативное и, безусловно, сильное воздействие этих явлений стало поистине катастрофичным лишь вследствие наложения на тяжелейшие неурожай, вызванные капризами климата. Русские летописи содержат немало сообщений о летних заморозках, граде и т.п. в соседних «западных странах» – в частности, в Восточной Прибалтике – в 1619, 1621, 1623, 1625 гг., вызвавших «голод великий», чрезвычайную дорого-

визну хлеба, употребление в пищу падали и даже людоедство [4, с. 108; 5, с. 190–191].

Обезлюдела в последней трети XVI в. значительная часть Ингерманландии [46, с. 189]. В Корельском уезде во второй половине XVI в. произошла, по оценке исследователей, демографическая катастрофа. В Задней Кореле в 1571 г. подати платили лишь 6%, в Передней Кореле – 11,8% тех, кто делал это ранее. Видимо, остальные – констатируют историки – либо разорились, либо умерли, либо бежали. В Заонежских погостах в 1563–1582 гг. число жителей уменьшилось на 38%, из 3878 жилых деревень и починков осталось 2290. В этот период в регионе были частым явлением неурожай, сопровождавшиеся голодом и повышенной смертностью; в частности, неурожай имели место в 1563, 1573, 1577 и 1579 гг. В начале XVII в. (в 1610-х гг.) в Карелии значительно сократилось количество жителей; обитаемых поселений осталось меньше, чем опустевших. К неурожаю добавилось и воздействие Ливонской и русско-шведских войн, причиныны [54, с. 83, 108–109; 31, с. 136–138].

Показательной в этом плане является ситуация на тех территориях расселения финно-угров, которые не были непосредственно затронуты военными действиями. При этом ученые отмечают, что хотя отдаленность севера Карелии в известной мере уберегала его обитателей от разорения и гибели из-за военных действий в период русско-шведских столкновений, однако же и здесь демографическое положение было примерно таким же, как в южных («прифронтовых») районах [31, с. 140]. Очевидно, что раз кризис проявился на всей территории Карелии, а не только в военной зоне, то вызван он был не только бесчинствами войск, но в значительной мере и иными, более глобальными явлениями, а именно неурожаем и голодом.

Показательным является и то, что в далеком от каких бы то ни было военных действий в Коми крае демографическая ситуация складывалась тоже не самым лучшим образом. Во второй половине XVI в. сократилась пашня и численность населения в обширной и самой населенной Вычегодской земле. И в конце XVI – начале XVII в. в ряде волостей Коми уменьшилось число жителей. Так, в 1602 г. «много людей государевых померло, потому в Русии голод великий был два лета. Пермьки (т.е. коми. – Авт.) многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городам, а инии померли с неядения», – рассказывает об этих событиях Вычегодско-Вымская летопись [23]. Таким образом, несомненным представляется негативное воздействие климатических изменений на демографические процессы у финно-угров. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях ведения военных действий кризисные явления значительно усиливались и протекали значительно острее, чем, скажем, в отдаленном от них Коми крае. Убыль населения в первой четверти XVII в. из-за голода, бегства от ни-

щеты, гибели во время восстаний и военных действий отмечалась и в Марийском крае [56, с. 114–115; 29, с. 27]. В Мордовии, где на голодные годы также наложились кровавые события «Смуты», многие жители «вымерли, а иные побиты в смутное время..., а тех мертвой мордве... жены да их и дети вымерли, и иныя побиты...», сообщает документ [55, с. 90, 111].

В середине 1620-х – середине 1630-х гг. в Карелии, Коми, Мордовии, Мари происходил рост населения, распахивались запустевшие и вовлекались в оборот новые пашни [54, с. 127; 31, с. 142, 56, с. 115, 55, с. 111]; в Коми крае осваивались новые «приграничные» районы на Летке и верхней Вычегде [23]. Некоторые исследователи связывают это с более благоприятной для крестьянства налоговой политикой, проводившейся властями [31]. Бесспорно, ослабление налогового бремени сыграло важную роль, однако нельзя не указать на то, что время с середины 20-х до середины 30-х гг. XVII в. было относительно благоприятным (во всяком случае, близким к норме) и для хозяйственного, в первую очередь земледельческого развития, из-за временного сокращения экстремальных природных явлений [5, с. 191].

Но во второй половине 1630-х – начале 1640-х гг. новая череда сильнейших неурожая привела жизнь финно-угорского крестьянина, да и вообще жителя севера России, в полнейшее расстройство. Из-за «хлебной скудости», голода, высокой смертности, бегства населения в более «хлебородные» регионы заметно сократилась численность коми, причем некоторые районы (Вымская земля, Прилузье) обезлюдели почти наполовину. В Печорском крае в 1638 г. «крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травую», писали очевидцы. В Прикамье в 1644 г. летом «снеги выпали великие, и хлеб позяб без остатку и от того хлебного непомерного голоду... многие... люди... разбежались... в хлебородные места, и многие... деревни запустели» [23].

К 1646 г. уменьшилось население и в Карелии, и в последующие несколько лет этот процесс продолжался. К неурожаям (исследователи отмечают, в частности, неурожайный 1643 г.), голоду, становившемуся привычным что в коми, что в карельских землях самоуправству властей, особенно болезненному в подобное время, вновь добавились военные столкновения [31, с. 133; 36, с. 457–470]. Рост числа дворов, запустевших из-за смерти или бегства жителей вследствие вызванной стихийными бедствиями «хлебной скудости», имел место в XVII в. в Мордовии. Так, в Арзамасском уезде в 1628–1678 гг. запустело 17,5% селений; «а мордва из той деревни бежала», констатировали документы [55, с. 122, 124–125]. В Марийском крае воздействие неурожая усугубилось еще и «морovým поветрием» (чумой) 1650-х гг., в результате которой некоторые земли Мари лежали «впусте» даже в конце 1670-х гг. [56, с. 124]. Много людей (около трети

православных и около 5% лютеран) погибло в середине XVII в. в Ингерманландии – как от голода, так и в результате военных действий в ходе русско-шведской войны [46, с. 190].

Голодавшее, нищавшее население умирало или вынуждено было уходить из родных мест. Коми и коми-пермяки мигрировали в Сибирь. Во второй половине 20-х – середине 40-х гг. XVII в. из Коми края в различные регионы ушли более тысячи человек, более 800 из них – в Сибирь (причем это минимальное число, которое удалось установить по весьма неполным источникам), что для коми народа, насчитывавшего в середине XVII в. только 15–16 тыс. чел., было весьма значительной долей [23]. Карелы переселялись в Тверской край и другие районы [31, с. 132; 36, с. 457–470], а некоторые из них попали даже в далекий Коми край [23]. В Россию же переселялись и православные ингерманландцы [46, с. 190].

Во второй половине XVII в. в жизни финно-угров, казалось, наметился поворот к лучшему. Число экстремальных природных явлений уменьшилось, народ вздохнул свободнее, стал восстанавливать заброшенные поселения, распахивать пашню, осваивать новые пространства. Исследователи отмечают быстрый рост населения Карелии [31, с. 142]. Стала увеличиваться и численность населения Коми, активизировалось освоение «приграничных» районов, возобновлялись заброшенные ранее пашни (отчасти, как, например, в Прилузье – за счет пришедшего населения из соседних районов) [23]. Зброшенные земли Северной и Восточной Ингерманландии стали возвращаться в хозяйственный оборот за счет притока переселенцев-лютеран из Финляндии [46, с. 190, 191].

Однако малый ледниковый период весьма скоро и решительно напомнил о себе сначала на рубеже 1670-х – 80-х гг. – не только неурожаями зерновых (имевшими место, в частности, в Коми крае), но и недостатком рыбы даже в богатейшей р. Печоре (напомню, что понижение температуры самым непосредственным и негативным образом влияет на развитие популяции рыб). Очевидец сообщал, что обитатели Печорского края «гладом тают и умирают... и такая нужда в сей стране повсюду на Турье, Ижме, Усть-Цильме и на Пустозерском остроге... Прежде, сказывают, рыбы здесь был достаток, и на продажу было, а ныне не токмо на продажу, но с самой весны... до сытости сами никто не ел» [23].

А особенно тяжелые, даже катастрофические для некоторых народов последствия имел возврат холодов в 1690-е гг. Э. Ютиккала пишет, что в Финляндии заморозки постоянно портили посевы, а самым жестоким оказался неурожай 1696 г., из-за которого четверть или даже треть населения Финляндии погибла от голода и эпидемий, распространявшихся среди обнищавших жителей [73, с. 47]. Неблагоприятные погодные условия 1690-х гг. вызвали неурожай и голод, разорение, бегство значитель-

ной части жителей Карелии. Частыми были неурожаи и в первой четверти XVIII в.; значительная часть пашни запустела [54, с. 164–165; 31, с. 142–143]. В связи с этим вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением карельских историков о том, что именно «политика определяла направленность демографических процессов в Карелии – как в сторону увеличения плотности населения, так и в сторону уменьшения», хотя, безусловно, их вывод о «начальном этапе складывания государственной политики в области демографии», отнесенном к XVII в, чрезвычайно интересен и важен [31, с. 142–143].

Тяжело отозвались неурожаи 90-х и в Коми. «Вологодская летопись» информирует, что в 1695 г. на севере Европейской России повсеместно «хлебы не сыпели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женъска и с малыми детьми, пошли все на расходы в поволские грады и в уезды, где бы кому препитатися, доколе бог изволит». Многие переселились из Коми края в Сибирь и на Урал: только по данным переписных книг, очень неполным, в конце XVII – начале XVIII в. туда ушли 817 человек [23].

Судя по тому, что народ уходил с севера в «поволские», т.е. поволжские селения, там, должно быть, климатические сдвиги 90-х не имели столь суровых последствий, так что мордва и марийцы могли развиваться более стабильно. Не случайно историки отмечают приток переселенцев в Мордравию в XVII в. [55, с. 110–111]. Тем не менее и этим народам не удалось избежать бедствий рубежа столетий. В начале XVIII в. численность жителей Марийского края сократилась из-за вызванного неурожаем голода и бегства, а также болезней. Особенно много народу ушло из Мари в 1707–1712 гг. Некоторые уезды опустели на четверть, а то и наполовину [29, с. 45, 46]. Многие переселились в Башкирию, на Урал, в Сибирь. Так, казанский губернатор (большая часть марийских земель относилась к этой губернии) докладывал в 1714 г., что к башкирам ушли многие «ясачные людии». В 1730 г. отмечалось, что за 20 лет население Башкирии резко возросло; в частности, «казанские черемисы перешли в Башкирию с ясаков целыми селами и деревнями» [56, с. 152, 159, 160].

Эстония не избежала вызванного колебаниями климата демографического кризиса 1690-х гг. Трагичными оказались для местного населения те же 1695 и 1696 гг.: в 1695 г. урожай погиб на полях из-за непрекращавшихся дождей и необычно ранних заморозков, в 1696-м дожди также сыграли свою роковую роль. В результате, как пишут историки, Эстонию охватил голод, начавшийся еще зимой 1695-1696 гг. и продолжавшийся вплоть до 1697 г. Голодная смерть и бегство в поисках пропитания стали обыденным явлением. Очевидец рассказывал: «Многие сильные и здоровые люди бродили с места на место и слезно молили, чтобы их Христа ради приняли

на работу за кусочек хлеба. Многие почернели от голода и так ослабли, что падали с ног... Деревни, дороги, поля были завалены трупами, по весне их отвозили на телегах и по 30, 40, 50 и даже больше хоронили в одной яме». Только тогда, за три года погибло 70–75 тыс. чел., примерно пятая часть населения Эстонии. Очевидно, с этим голодом (а не только с процессом «редукции имений») были связаны и восстания эстонских крестьян в 90-е гг. Но этим дело не кончилось. Голодные годы имели место и в предыдущее, и в последующее время. Голод сопровождался чумой, еще одна эпидемия чумы разразилась в 1710 г., в начале XVIII в. свою лепту в демографическую катастрофу внесла и Северная война. В общем итоге численность жителей Эстонии в конце XVII – начале XVIII в. сократилась с 350–400 000 до 150 000 [35, с. 30, 32, 37; 74, с. 110]. Потрясения малого ледникового периода второй половины XVI – начала XVIII в. стали губительными для ливов под воздействием голода, эпидемий (в 1710 г. от чумы погибло до двух третей населения Латвии [11, с. 27]; среди умерших были, очевидно, и многие ливы), войн постепенно исчезавших с лица земли.

Не лучше, чем в Эстонии, складывалась демографическая ситуация на рубеже XVII–XVIII вв. и у венгров. Л. Контлер пишет, что в 1720 г. в стране было обработано менее 2,4% пахотных земель, население из-за голода, войн и чумы сократилось на несколько сот тысяч человек, стало крайне малочисленным (малочисленным, замечу в скобках, по западноевропейским меркам) и бедным, запустели многие поселения. В одном из районов Венгрии осталось два жилых поселения из 64, в другом – два из 200 [41, с. 245].

В XVIII в., и особенно в последней его трети, историко-демографическое развитие большинства финно-угорских народов вступило в период постепенной стабилизации. Прошел пик малого ледникового периода, и климат стал улучшаться, постепенно становиться более мягким, более благоприятным для ведения сельского хозяйства, не стало столь частых и губительных неурожаев, как в предыдущем столетии. Конечно, сильные неурожаи порой еще случались, поскольку малый ледниковый период хотя и шел на убыль, но еще продолжался, в связи с чем климатические условия в Европе отличались значительными колебаниями, временами резко ухудшались, вызывая продолжительные дожди, наводнения, очень морозные зимы, летние заморозки и т.п. Например, проведенный автором анализ смертности населения одного из районов Коми – Прилузья в 1721–1745 гг. показал, что более половины (55,5%) смертей приходится на семь из этих 25 лет, а именно 1723–1729 гг., когда смертность местного населения существенно превосходила среднюю величину за все 25 лет. А на 1723–1732 гг., т.е. на 10 лет, приходится почти 70% всех смертей. Данные о бегстве и уходе жителей из Прилузья в 1721–1745 гг. свидетельствуют, что

60,3% переселений приходится на шесть лет – с 1724 по 1729 гг. В этот период Россия пережила несколько тяжелых голодных лет (1723–1727, 1729 гг.), недороды следовали один за другим, повысились цены на хлеб [4; 5, с. 353–356; 22; 33].

Особо опасные группировки экстремальных природных явлений пришлось на 1766–1767 и 1781 гг. [4]. Неудивительно, что марийские крестьяне, например, жаловались в комиссию по выработке нового уложения 1767 г.: «Уже пятый год..., как... хлеб не родится, от коего неурожая всего здешнего уезда жители ежегодно некоторые довольствуются покупным... хлебом», иные умерли от голода, многие «разошлись по разным местам» [56, с. 158]. Следствием названных, так сказать, рецидивов климатического минимума стало резкое замедление или прекращение прироста населения и даже снижение численности жителей в северо-западных районах Коми в 1763–1782 гг. [12; 22]. В Эстонии сильный голод случился в 1808 г. [35, с. 42].

Однако вслед за тем как климат постепенно становился более теплым и благоприятным для сельского хозяйства, все более позитивно развивались и демографические процессы (особенно в XIX в.). Э. Ютиккала пишет, что в сопоставимых географических пределах население Финляндии в 1720 г. составляло примерно 400 тысяч, а в 1865 г. – 1850 тысяч человек. Прирост населения почти полностью шел за счет сельской местности. Именно тогда была введена в оборот большая часть земель, возделываемых и сегодня... К концу периода почти не оставалось незаселенных пустошей, за исключением Лапландии и северо-восточных приграничных районов [73, с. 51]. Значительный скачок в численности населения произошел и в Эстонии – к концу XVIII в. тут насчитывалось более полумиллиона жителей [35, с. 37].

Население Венгрии также стало довольно быстро и стабильно расти (как всегда бывает после демографических катастроф, замечает Л. Контлер), и к середине XIX в. по сравнению с началом столетия выросло в четыре раза (при этом надо иметь в виду, что прирост шел и за счет иммиграции) [41, с. 245]. В Мордовии в конце XVIII в. проживало примерно 448 тыс. чел., а в 1858 г. – уже 700 тыс. В Марийском крае число жителей стало постепенно расти с конца первой четверти XVIII в.: в 1723 г. здесь насчитывалось 74 тыс. чел., в 1764 г. – 119 тыс., в 1795-м – 158 тыс., в 1858-м – 210 тыс., в 1897 – 375 тыс. чел. В пределах Карелии население возросло со 120,9 тыс. в 1795 г. до, по одним данным, 167,2 тыс. чел. в 1857 гг., по другим – до 190 тыс. в 1863 г., а 1897 г. составило 215 тыс. чел. В Коми крае в 1795 г. проживало 58-59 тыс. человек, а в 1858-1860 гг. – около 110 тыс., в 1897 г. – около 142 тыс. коми и 14-16 тыс. русских. Более теплый период способствовал усилению миграционной активности ижемских коми, их переселениям их в крайние северные и северо-восточные районы Коми

края, в нижнее Приобье и на Кольский полуостров [22; 25; 30, с. 45, 68; 31, с. 207, 258; 34; 55, с. 228].

Таким, в общих чертах, представляется роль изменений климата в истории финно-угорских народов. Разумеется, автор не имел возможности с достаточной и равной степенью обстоятельности показать воздействие климатических сдвигов на историю, этнодемографическое развитие каждого финно-угорского народа. Это – дело дальнейших комплексных исследований с участием исследователей разных специальностей.

Литература и источники

1. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 30
3. Борисенков Е.П. Климат и деятельность человека. М., 1982.
4. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
5. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
6. Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965.
7. Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 1 (21). С. 88–94.
8. Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть II) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 2 (22). С. 71–79.
9. Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 194–213.
10. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.
11. Вяри Э. Ливы и ливский язык // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
12. Воскобойникова Н.П. Динамика народонаселения Яренского уезда в XVIII в. // Традиции и новации в народной культуре коми. Сыктывкар, 1983. С. 96–106.
13. Гришаков В.В., Зеленева Ю.А. Муромы // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
15. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.
16. Жеребцов И.Л., Исупов В.А. Миграции жителей Европейского Северо-Востока в Сибирь (конец XVI – конец XVIII в.) // Проблемы исторической демографии Сибири: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2013. Вып. 3. С. 4–29.

17. Жеребцов И.Л., Исупов В.А. Переселения коми в Сибирь и на Дальний Восток в конце XVI–XVII вв. // Историческая демография. 2013. № 1. С. 18–29.
18. Жеребцов И.Л. Численность оседлого населения Печорского края в XVIII веке // Горючие чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 470-летию с. Усть-Цильма. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 19–21.
19. Жеребцов И.Л. Материалы о народонаселении Лузы и Летки XVII – начала XVIII века // Историческая демография. 2015. № 1 (15). С. 43–64.
20. Жеребцов И.Л. Формирование территориально-племенных и этнографических групп в XIV – XVI вв. и освоение новых территорий // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. С. 24–28.
21. Жеребцов И.Л. Краткий очерк истории формирования народа коми. Сыктывкар, 2004. 40 с.
22. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
23. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996.
24. Жеребцов И.Л. Этническая история // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000. С. 19–23.
25. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. Сыктывкар, 1996.
26. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
27. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
28. Жеребцов Л.Н., Жеребцов И.Л. На восток, в просторы «Сибирской Украины» // Родники пармы-89. Сыктывкар, 1989. С. 36–51.
29. Жилина Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
30. Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999.
31. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.
32. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
33. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.
34. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М., 1992.
35. Хахк Ю., Сийливаск К. История Эстонской СССР. Популярный очерк. Таллинн, 1987.
36. Киркинен Х. Рождение Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
37. Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI – начале XVIII в. // Материалы по истории Европейского севера СССР. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 353–374.

38. Колесников П.А. Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
39. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
40. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
41. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
42. Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
43. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
44. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
45. Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
46. Лескинен Х. Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.
47. Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 48–69.
48. Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
49. Мацук М.А., Жеребцов И.Л. Начало заселения верхней Летки (фрагменты дозорной, писцовых и переписной книг Сольвыгодского уезда I пол. XVII в.) // Крестьяне европейского севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар: Коми НЦ УРО РАН, 1995. С. 97–104.
50. Нефедов С.А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. Екатеринбург, 1999.
51. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014. 296 с.
52. Оборин В.А. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI—XVII в. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 80–85.
53. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII в. Иркутск, 1990.
54. Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1.
55. Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1
56. Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965.
57. Рябинин Е.А. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
58. Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.
59. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987.
60. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. М., 1995.
61. Савельева Э.А., Королев К.С., Истомина Т.В. Коми // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.
62. Савельева Э.А. Архаичные общества на территории Коми края // История Коми с древнейших времен. Сыктывкар, 2001. Т. 1. С. 15–61.

63. Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о перми вычегодской. Сыктывкар, 1997.
64. Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Komi: piirteitä kansallisen valtiojärjestelmän kehityksestä // Carelia. 2002. № 7. S. 23–30.
65. Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Коми край: очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003.
66. Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
67. Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Жеребцов И.Л. Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
68. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
69. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976.
70. Шабав Ю.П., Жеребцов И.Л., Александер Дж. Национальное развитие и этнополитика в восточно-финских республиках России // Мир России. М., 1997. № 4. С. 171–182.
71. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006.
72. Этническая история народов Севера. М., 1982.
73. Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювясколя, 1995.
74. Ярв А. История Эстонии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювясколя, 1995.

The role of climate in ancient history of the Finno-Ugric peoples

The history of the Finno-Ugric peoples is diverse and rich in events. Gradual splitting, disintegration of their ancient common identity, as well as a number of other important stages in the development of the Finno-Ugric peoples turn out to be very closely connected with global changes in the climate, their importance in the history of the human civilization being paid attention to by many Russian and foreign researchers.

Their works as well as thorough study of the most important aspects of the history of the Finno-Ugrians, Finno-Ugric languages by the scientists of different professions – linguists, archeologists, historians, ethnographers, and especially their indications on interconnection between some plots of this history and changes in the natural-climatic conditions permit to undertake an attempt to make general review of the role of the climatic factor in the history of the Finno-Ugrians.

The author will have to repeat many well known plots, since it seems more important to give systematic interpretation of the very approach to the above problem as he himself is interested in the study of the problem of interconnection of the climate and ethno-demographic processes and deals with this problem for over 25 years.

All development of mankind in one or another way was related with the resistance to harmful influence of unfavourable natural-climatic conditions, with longing to find “place under sun” that would allow to avoid this influence or at least minimize such. Naturally no human effort can stop or slow the global natural cataclysms, like glaciation. The pressure of glaciers broke comparatively settled life of the Paleolithic people, making ancient tribes vanish or move for enormous distances, depriving them of the possibility to develop their culture. And only millenniums after with glaciers retreat the possibility appeared before the people to make new spaces habitable, develop them, gradually forming their own special traditions of vital activity.

About 15 thousand years back rapid global warming of the climate began, that opened ways for forming different ethno-cultural, language identities, but already about 12700 B.C. the climate in West Europe was almost the same as nowadays. In VII millennium B.C. it was warmer in Europe than now. In the last centuries of that millennium it got cold, but then even warmer period came (VI–IV millennium B.C.). The new phase of warming was signified by the appearance of the Urals language identity, uniting remote ancestors of present Finno-Ugric and Samoyed peoples. The researchers think it existed already in the VI millennium B.C..

Earlier, with warming in VII millennium, this identity did not yet exist, since West Siberia in that epoch had less climatic shifts for better, than, for in-

stance, the Far East or Extreme Northeast of Euro-Asia; moreover, in the West Siberian region there was some cold snap that obviously did not favour to people, who wanted to settle there. Meantime this region was the original Motherland of the Uralic peoples: from the Ural Mountains in the west to the Yenisei and lower reaches of the Angara and Podkamennaya Tunguska in the east and from the Arctic Circle to the lower reaches of the Tobola and northern foothills of Sayan Mountains and Altai. While in VI-IV millennium B.C. West Siberia pertained to the regions where the most positive anomalies of the climate were observed.

With warming the climate the population grew in number, finding all more possibilities for food. With time the boundaries of the original Motherland have become too narrow for vastly increased amount of people. Certainly, as compared with the present, the density of the population, in spite of increase, remained rather low; however hunting-fishing type of economy required the extensive reserve territories for the development, which in the region of residence of one or another kin were far from boundless. As a result either growing of the population in number was restrained (owing to the lack of provisions, hunger and increasing of death-rate), or a part of inhabitants had to resettle in other regions.

Possibly, the division of the Uralic language identity into Samoyed and Finno-Ugric one that occurred on the boundary of V and IV millennium B.C. was related with this relative overpopulation. If we consider this relative overpopulation as an important factor of division of the Uralic peoples, then, taking into account change in the climate - more probable seems that separation of Samoyed people from the Finno-Ugrians occurred at the end of V millennium B.C., since at the beginning of the next millennium the peak in the warm period took place (the climatic optimum), manifested in most of the regions of Euro-Asia, including West Siberia. No doubt, new improvement of the climatic conditions enabled to get more food products in habitable regions: more fish, the increase in temperature of water promoted that, more berries and other forest products. All above was most beneficial for the demographic processes. As a result at the beginning of IV millennium B.C. there was no problem of relative overpopulation, and former «surplus» population has got the possibility to obtain food-stuffs on their native land, rather than search for them in other regions. Consequently, mass transmigrations and, resulting, division of the Uralic peoples were to occur not at this favourable time, but at preceding period.

The climatic optimum lasted during nearly whole IV millennium B.C., though temporary cold snaps occurred. This allowed the Finno-Ugrians to coexist for more than millennium in relative unity. However even conditions of the climatic optimum could not, naturally, provide the boundless growing of the number of the inhabitants, so now and then, probably, in separate local groups

there appeared comparatively surplus population, which had to resettle outside the boundaries of their original Motherland. The mentioned temporary cold snaps, one of which occurred on the boundary of the first and second third of IV millennium B.C., influenced this process. Possibly, exactly at this period a part of the Finno-Ugrians left for beyond the Urals, in particular, to the basin of Kama.

Mid of IV millennium B.C. was warm, but also more dry, than in the preceding period. As a result steppes gradually lost vegetation, becoming semi-deserts, while steppe belt moved to the north, where earlier meadows were situated; animals moved subsequent to change in the vegetation world. The population of the regions lying southward from the territory of the settling of the Finno-Ugrians, owing to drought, in search for food had to resettle to northern areas, forcing back or mingling with the Finno-Ugric tribes. Not accidentally exactly in mid of IV millennium B.C. the inflow of other-ethnic groups from the south to the former Uralic original Motherland took place. The result of migrations caused by arid climate had become the reinforcement of the breakup between Finno-Ugrians, mixed with the new-comers, and Samodians, resettled toward Yenisei. A part of the Finno-Ugrians under pressure of the southerners could move to the west, to the Volga and the Baltics, including the North of Europe, which in conditions of rather warm climate of that time could be quite attractive for migrants.

At the end of IV millennium B.C. the climate around the world began to change. It became more humid, semi-deserts retreated southward, the herbal cover in steppes lying southward of the Finno-Ugric lands was restored, so they had again become quite suitable for life, and the inflow of migrants from these regions to the Finno-Ugric territory did not stop completely, but, anyway, became less, that gave the Finno-Ugric tribes a possibility to develop in more calm conditions, without significant external pressure and poor prospects for assimilation. This positive effect of the begun change in the climate was, however, «neutralized» by other side of the occurred change – some cold snap – that made slowing influence upon growing of the number of the Finno-Ugrians: the vegetative «gifts of nature» became less, the problems with fishing appeared (the reduction of water temperature negatively effects the populations of river fish). In these conditions the surplus population which in search for food had to leave for other places, once again appeared there.

In mid of III millennium rather cold period began. In the Finno-Ugric kins and tribes the problem of «surplus» population appeared again, migrations increased. Some resettled to the west, beyond the Urals, where the related tribes already lived – to the basin of Kama, as well as to the upper reaches of the Vycheгда and Pechora, and then, possibly, further. Another part of the population of West Siberia remained in the old place of residence – the ancient original Motherland could yet provide the remaining part with food products, more so

that period of the cold snap and humidity turned out to be short – about 2200 B.C. the climate was somewhat changed for better, and transmigrations beyond the Urals sharply decreased, if not stopped at all. As a result, there began gradual isolation of separated by the Urals Mountains Finno-Ugric tribes in two branches, the contacts between which weakened and weakened.

Probably, warming of the climate in 2200 and improvement of life conditions promoted weakening of intensity of the transmigrations of the «European» Finno-Ugric kins further to the west that supports the idea of the Hungarian linguist P.Haidu that the Finno-Ugrians lived at that time not more west than the Volga and the mouth of Kama. This warming, I think, assisted the appearance of the Baltic cattle-breeding tribes in the Baltic states from the south that occurred just about 2200 B.C.; possibly, in the regions of the former habitation of the Balts (in the south) the drought began, while northern regions in conditions of more warm climate had become quite suitable for cattle-breeding.

On the boundary of III and II millennium B.C. had come new, not too long-lasting cold snap. The climate on both sides of the Urals was rather humid. Once again there appeared the problem of «surplus population» that, as previously, was solved at the expense of migrations. The Trans-Urals Finno-Ugrians were faced with the economic crisis: the forests started to be bogged in the ancient original Motherland, the water level in river went up, flooding flood-plain meadows – the base for local cattle breeding. Finally they had to move south, where the forest belt gradually won back the new territories from the steppe. There the eastern Finno-Ugrians began actively contact with the Iranian peoples living more south that had influenced on their transition hereinafter to producing economy.

Significant transmigrations occurred on the other side of the Urals as well. The tribes of the Finno-Ugrians moved from overpopulated regions to the west, to the basin of Oka, and further to the Baltics. More northern regions (the basins of Vycheгда and Pechora) also attracted the migrants by relative small number of people and, hereupon, considerable possibilities for hunting and fishing. But cold snap nevertheless prevented development of the North, and comparatively mass transmigrations to those lands began only after 2000 B.C., when warming began. With improvement the climatic conditions the inflow of the population to the north increased, having reached, probably, its peak by mid of the millennium since about 1500 B.C. the climate in winter and in summer practically on the whole territory of the present Russia was warmer and more dry.

Between 1400 and 1300 B.C. cold snap and humidity of the climate has brought about gradual retreat of broad-leaved forests to the south and the west; the fur taiga, where there were less beasts and birds as it was more difficult to subsist on it, substituted for them. So, migrations to northern regions continued, but in smaller scale. On the contrary, the cold snap could act upon the outflow

of part of the population from the North; possibly, exactly at that time moving of the population of the North Trans-Urals (the ancient Uralic peoples) to more southern regions of the Trans-Urals and mixing them with the northern part of the Ugric tribes began. Caused by climatic changes and relative overpopulation on the boundary of the millenniums the flows of migrants, moving in various directions (to the south, west and north), have brought to disintegration of the Finno-Ugric identity in two or even three groups: Ugric, Parent-Finno-Volga and Parent-Permian one.

In the last centuries of II millennium B.C. the ancient Ugrians living in the south of West Siberia could, with anxiety, watch how their lands owing to climatic changes become more and more boggy. The Inhabitants of forest-steppe, adapting to new ecological-climatic conditions, had to decrease the livestock of cattle, and either to grow more and more horses, or to spend more time in hunting. Those who decided to be occupied in horse breeding (future ancestors of the Hungarians) preferred to move from bogs southward, to steppe. So around XII century the process of division of ancient Ugrians, considerably increased at the end of II millennium B.C. because of the next change of the climate, began. In the south of the Urals the droughts began, taiga had retreated, and the northern Ugrians (future Khanty and Mansi), trying to preserve the former complex economic structure (in which by that time the role of the hunt considerably increased) decided to leave this arid region in the south of the Urals and resettled to the middle (and, possibly, lower) Ob. The South Ugrians (future Magyars) remained in steppes and adapted in the changed conditions to another lifestyle, being occupied with migratory cattle breeding. Of course, this division had occurred not suddenly – differences in ways of the occupation had formed at earlier period since even at that earlier time the Trans-Urals regions adjacent to steppe (where the southern Ugric tribes lived) were suitable for cattle breeding. According to L.N. Gumilev, exactly the boundary landscapes greatly influence the formation of new ethnoses. The fact that exactly at this period (by the end of II millennium B.C.) the Finno-Ugrians reached the White Sea, obviously, is related with warming, that promoted the development of high latitudes.

In the first centuries of I millennium B.C. the temperature went down that became particularly noticeable in IX century B.C. This naturally had again brought about the appearance of the surplus population and activation of the transmigrations. The most intensive settling of a number of regions and, in particular, the Baltic states with Parent-Finno-Volga tribes as well as possible disintegration of the Parent-Finno-Volga identity in the Baltic-Finnish, Parent-Mordovian and Parent-Mari one is, possibly, related with this fact. The new cold snap resulted in the final estrangement of the Ugric peoples. The taiga advanced to the south, substituting the forest-steppe. As a result the Ob Ugrians turned out to be in the taiga zone completely, and had to change their economic mode

(in conditions of the reduction of the possibilities for pasturing the live-stock it was practically impossible to conduct stock-breeding). Probably, the increased inflow of the mentioned migrants from the north, who because of cold snap were compelled to migrate to more favourable habitats, had played its role. Finally, the Ob Ugrians, having changed their economic mode, forgot about horse breeding. While Parent-Hungarians moving from the approaching taiga and following the retreating steppe, resettled to the south, where their contacts with the Iranians increased. As a result, the Parent-Ugrian peoples finally estranged, and by mid of I millennium B.C. their identity completely disintegrated.

In the very mid of I millennium B.C. the climate has somewhat become better. Possibly, the movement of the Saami to Finland and Scandinavia, as well as beginning (or strengthening) of contacts of the Baltic-Finnish tribes with the Baltic ones, the last under the influence of the warmer climate moved northward where they faced with the ancestors of Livs and Estonians, is related with some warming. Warming turned out to be short, and the second half of the millennium as a whole, especially last centuries turned out to be rather cold (in some regions – the coldest in that millennium). These conditions resulted in the crisis phenomena in the demographic development of the Finno-Ugric peoples: in Karelia and Finland number of the population decreased. The begun process of the disintegration of the Parent-Permian language identity – the ancestors of the Udmurtians began to be isolated from the Komi and Komi-Permian ancestors – may be related with cold snap.

At that time, probably, the migrations of the Ob Ugrians took place, since that separation of the Parent-Mansi and Parent-Khanty languages from the Ob-Ugrian identity, as well as in the Samodians, who reached the Altai upland, started. It is quite possible that these transigrations were also connected with the appearance of surplus population owing to the lack of food products because of worsening climate. Obviously, these intensive migrations caused the disintegration of the Parent-Samodian identity in the north and south subgroups. This disintegration – as well as division of the Ob-Ugrian languages – was finished later, in the first centuries of our era, when the climate began to change once again.

The Great transmigration of peoples caused by climatic changes, the small climatic optimum that had played enormous role in forming a number of the Finno-Ugric ethnoses, and, finally, smaller glaciation period that caused the demographic catastrophe in the Finno-Ugrians almost everywhere – they all were yet ahead.

The study of the influence of climate change on ethno-demographic development of the Finno-Ugric peoples

It is very interesting to follow the events related to the small climate optimum of VIII–XIII centuries, which played a very important role (in some cases a key role) in the history of the Finno-Ugric, and not only Finno-Ugric people.

At the beginning of the climatic optimum disintegration of the Baltic-Finnish and Permian communities was finished. During the climatic optimum settling of Karelia (researchers consider the last date of this process – XII century) had come to the end, in Pre-Ladoga area there appeared (in the XI–XII centuries) agricultural production, which promoted population growth. There was active settling of Finland at the expense of the growth of local population that had become possible in favorable climatic conditions. In XI–XII centuries, in the course of migrations and mixing of population the Finnish language was formed. In the second half of the Ist millennium A.D. the population density of Estonia increased.

Similar processes occurred in the same period in other regions. Thus, the transition of the Mordovians to plow agriculture allowed to get more food and contributed to the growth in the number of residents. The number of Mari also increased. The Ob Ugrians and Samoyeds in this period, obviously, finally settled in the North Pre- and Trans-Urals. The Ob Ugrians (in particular, the Voguls, i.e. ancient Mansi) in the XII century increasingly moved to the banks of the Vycheгда, ousting the ancient Komi living there. According to archaeologists, the ancient Komi inhabited the areas of present Storozhevsk and Pezmog in the XII century, and then were pushed out by the Voguls. Perhaps at this time there had been some inflow of the Ob-Ugric tribes to the Vycheгда region.

The Hungarians were caught by warming, obviously, in the grassy steppes, where to they went from the territory of Bashkiria. And again they had to leave their homes because of the aridity and gradual changes in the landscape. The resettlement of the Magyars to the territory of modern Hungary is associated with small climatic optimum. In the IX century the Magyars were already in the Danube area, where geographical conditions were very favorable for cattle-breeding and agriculture.

In the same period in the IX century the Rodanovo archaeological culture belonging to the ancestors of the Komi-Permians was formed on the upper Kama and its tributaries.

A small climatic optimum of VIII–XIII centuries had a direct impact on the formation of the ancestors of the ancient Komi (Zyrians) – archaeological culture of the Vycheгда Perm. Probably in the formation of the ancient Komi there participated two major ethnic groups – the local population (Vanvizardino

archaeological culture), and immigrants from the Kama region (both of these groups were related to each other), but their role in the formation of the Permians in different areas of the region was uneven. In the Vym' and Lower Vychegda area, obviously, the Vanviziandians became the main element, and on the Sysola and possibly the Upper Vychegda, on the contrary, the influence of immigrants from the Kama-course area was stronger.

Small climatic optimum caused Finno-Ugric people considerable problems associated with that the territories of their habitation had become, first, more attractive for people from more southern areas, and, secondly, more accessible, because it was much more easier to navigate by the main for the epoch sea and river routes. So, thanks to favourable ice conditions in the Northern seas during the second half of the 1st millennium B.C., especially in IX–X centuries the Scandinavians sea raids on the Eastern coast of the Baltic sea and, in particular, on the territory of Estonia renewed. There were Viking raids to the North of the present-day Russia, to the so-called Biarmia, inhabited, obviously, by the Finno-Ugric peoples. In 1100 «the period of the Crusades» of the Swedes to the Eastern Baltic began.

Since the X century the campaigns of the Kievan princes to Estonia, and since the XI century – the Novgorodians began. Already at least in the XI century the Novgorod Republic took steps to establish control over the territories of habitation of the Finno-Ugric peoples of the North. In the XII century the struggle for supremacy in Finland and Karelia between Sweden and Novgorod began.

After the voivodes the peasants moved. Already in the VI–VIII centuries the Slavs began to penetrate to the southern Ingermanlandia, in the X century their inflow to the Ingermanlandia became more widespread. In the XI century Russian migrants appeared in Ladoga area, in XI – early XII centuries – in the western part of the Northern Dvina basin, and in the XII century – in the lands of the ancient Komi.

Russian penetration in the Kama region and in particular in the areas of settling of the ancient Komi-Permians began at the end of the XII century. Migration of the Russians in the Pre-Urals increased in the XIII–XIV centuries. Part of the Russian immigrants settled in the Komi-Permian villages. The greatest pressure of the Slavs experienced Merya, Muroma and Meschera, which eventually were assimilated. Living in a more remote region, the Mordovians and Mari avoided a similar fate.

The German feudal lords moved from the south to the lands of the Baltic Finno-Ugric peoples. By the 60–70-s of the XII century the Germans came to the borders of Poland and Lithuania, and in 1208 the first campaign of the Germans to southern Estonia took place, that was followed by others. The Livs most strongly experienced the consequences of German expansion. A lot of Germans focused their attention on Hungary, which in the XI–XII centuries,

despite the population growth, remained relatively sparsely populated. However, the colonization there went by peaceful way, especially that agriculture in the Hungarians did not play a prominent role in the economy as yet.

Climatic optimum came to the end and in the XIV century gradual cooling began. More frequent and increasing crop failures were the result of the intraseasonal climate variability, with its climatic extremes such as droughts, floods, typhoons, etc., that increased in the transitional period from climatic optimum to climatic minimum. Crop failures caused famine. In the XVI century the so-called small Ice Age started. The number of extreme natural phenomena dramatically increased. The temperature dropped, various natural disasters (early frost, drought or excessively heavy rains, hail, etc.) became common phenomena. This led to crop failures that undermined the economy of the peasant, causing famine and high mortality. Moreover, with the onset of cold climate the taiga began to advance on the few open spaces, meadows began to overgrow or the increased moisture caused their swamping.

The continued inflow of the Russian peasants to the Finno-Ugric lands caused additional difficulties for ethno-demographic development. If in more fertile Hungary, where in the XVI century there also was significant immigration of the Slavs, this process did not have any significant negative consequences for the Hungarian population, which had their own statehood, then in the North the emergence of numerous foreign-language migrants caused serious problems. If the resettlement of the Russian peasants to the European North and North-East continued massively further, then the Komi and Karelians would have shared the fate of the Finno-Ugric tribes in the Dvina-course, assimilated by newcomers. However, the cold snap in climate made the lands of the Karelians and the Komi with their meager northern soils little attractive for the Russian farmers. So when Russian peasants discovered the vastness of the Volga, Pre-Urals region, Siberia, thousands of settlers rushed to these territories and, in particular, to the lands of Mari and Mordovians. The massive inflow of migrants to the ethnic territory of Komi and Karelians stopped.

The peak of the small Ice Age (climatic minimum) fell to the second half of XVI–XVII centuries, particularly the frequent natural disasters that had led to crop failures, undermining peasant agriculture, causing famine and high mortality. Russian Chronicles are full of reports about the «bad harvest» and «great famine». The acute demographic crisis, manifested in the slowdown of population growth, and in some cases – in the population reduction in the Finno-Ugric regions, was associated with the climatic minimum.

In the XVII century with the exacerbating climatic cataclysms, with the superimposed consequences of war, the demographic development of Hungary moved into its crisis phase: in the early XVII century the settlement system went into decline, rural settlements were deserted for a long time or not reconstructed,

the population died from hunger and plague. In 1685 in Hungary there lived 3.5 million people - roughly as many people were in the country yet in the late XV century.

By the end of the XVI century in Northern Estonia half of the farms were empty. Western Estonia had suffered even more, and in the vicinity of Tartu over 70% of households were empty. If in the middle of the XVI century in Estonia there lived at least 250 thousand people, by the end of the century there were about 100 thousand. In the 1630–1640-s in Estonia there lived no more than 100 thousand inhabitants. Usually they consider the effects of Livonian, Swedish-Polish and Swedish-Danish wars of the second half of the XVI – first third of the XVII century and the plague the cause of demographic catastrophe in Estonia. However, as in Hungary, the negative impact of these phenomena had become truly catastrophic only because of the severe crop failure caused by the vagaries of climate. Russian Chronicles contain many reports of summer frosts, hail, etc. in neighbouring countries, in particular in the Eastern Baltic, in 1619, 1621, 1623, 1625, that caused severe famine, extraordinary high prices of bread, eating carrion and even cannibalism.

In the last third of the XVI century considerable part of Ingermanlandia was depopulated. In Karelia in the second half of the XVI century the demographic catastrophe occurred. During this period in the region crop failures, accompanied by famine and increased mortality, were frequent, in particular, crop failures occurred in 1563, 1573, 1577 and 1579. In the early XVII century (in the 1610-s) in Karelia the number of inhabitants significantly decreased; there were less inhabited settlements than empty. The crop failures were added by the consequences of the Livonian and Russian-Swedish wars, the oprichnina. Indicative in this respect is the situation in the territories of settling of the Finno-Ugric peoples, which were not directly affected by military actions, but the demographic situation there was almost the same as in a war zone. It is obvious that once the crisis is manifested in all areas of Karelia, then it was caused by not only the excesses of the troops, but to a large extent by other, more global phenomena, namely crop failures and famine.

Significant is the fact that in the far from any hostilities, Komi region, the demographic situation was also not the best. In the second half of the XVI century the population of the vast and the most populated Vychegda territory reduced. Many died of starvation or were forced to flee from their homes in search of food in 1601–1603. Population decline in the first quarter of the XVII century because of starvation, escaping from poverty, being killed during the uprisings and the military actions was marked in the Mari region and in Mordovia.

In the second half of the 1630s – early 1640s a new series of severe crop failures had led the life of Finno-Ugric peasants, as well as the inhabitants

of the North of Russia, to complete disorder. Due to lack of bread, hunger, high mortality rate, moving of the population in the more favorable for life regions the number of the Komi considerably reduced, some areas were depopulated by nearly half. In the Pechora region in 1638, the peasants were eating leaves and grass, dying from hunger. In the Kama region in the summer of 1644, the snow fell, the crops froze, the people starved, many died or fled from their homes. By 1646 the population in Karelia, Mordovia, Mari region decreased. Many people died in the mid-XVII century in Ingermanlandia both from hunger and as a result of military operations during the Russian-Swedish war. The starving, impoverished population died or was forced to leave their homes.

At the turn of the 1670s – 1680s the small Ice Age was marked not only by the poor harvests of grain (which took place, in particular, in Komi as well), but also by the lack of fish even in the richest Pechora river (decreasing of temperature most directly and negatively affects the development of fish populations). The eyewitness reported that the inhabitants of the Pechora region die from hunger.

The consequences of the return of cold weather in the 1690-s were catastrophic for some peoples. In Finland freezing constantly damaged crops, and the most cruel was the poor harvest of 1696, of which a quarter or even a third of the population of Finland died of starvation and epidemics, which were distributed among impoverished inhabitants. Unfavourable weather conditions of the 1690s caused crop failures and famine, ruin and flight of a considerable part of inhabitants of Karelia. Bad harvests were frequent in the first quarter of the XVIII century.

The consequences of the poor harvests of the 1690s were heaviest in the Komi Republic. In 1695 in the North of European Russia due to severe frost they had poor harvest everywhere and many people were forced to move to other regions in search of food. Many moved from Komi to Siberia. In the early XVIII century the population of the Mari region decreased due to crop failures that caused famine and flight, as well as diseases. Especially a lot of people left Mari in 1707–1712. Some areas were a quarter or half empty.

1695 and 1696 were tragic for Estonia, the harvest was lost in the fields due to the continuous rains and unusually early frosts, in 1696 the rains had also played a fatal role. As a result, Estonia was gripped by famine started in the winter of 1695–1696 and lasted until 1697. Death from starvation and the flight in search of food had become commonplace. For three years 70–75 thousand people died, about 20% of the population. In the late XVII – early XVIII centuries the population of Estonia decreased from 350–400 thousand to 150 thousand people. The disastrous upheavals of the small Ice Age of the second half of XVI – early XVIII centuries have become detrimental to the Livs, because of hunger, epidemics, wars gradually going away from the face of the Earth.

In Hungary in 1720 less than 2.4% of arable land was cultivated, the population decreased by several hundred thousand, many settlements were uninhabited. In one of the districts of Hungary there were only two residential settlements of 200.

In the XVIII century, especially in its last third, the historical and demographic development of the majority of Finno-Ugric peoples came to a period of gradual stabilization. The peak of the small Ice Age was gone, the climate began to improve, gradually becoming more mild, more favourable for farming, the disastrous crop failures became less frequent, as in the previous century. Of course, strong crop failures sometimes happened, since the small Ice Age, though abated, but still continued, in this connection the climatic conditions were characterized by considerable fluctuations, sometimes sharply deteriorating, causing excessive rains, floods, very cold winters, summer frosts, etc. Russia experienced severe famine years 1723–1729. In one of the regions of Komi (Priluzye) the greatest mortality was in 1723–1729, the greatest number of relocations of local residents outside the province occurred in 1724–1729.

Dangerous extreme natural phenomena occurred in 1766–1767 and 1781. Mari peasants complained of a 5-year crop failure, many died of starvation or fled to other regions. In the northwest of Komi in 1763–1782 a sharp slowdown or cessation of population growth and even reduction in the number of inhabitants took place. In Estonia, a severe famine happened in 1808.

However, as the climate gradually became warmer and more favorable for agriculture, the demographic processes developed more positively (especially in the XIX century). In comparable geographical limits the population of Finland in 1720 was around 400 thousand, and in 1865–1850 thousand people. A significant leap in population occurred in Estonia – by the end of the XVIII century there were over 500 thousand inhabitants.

The population of Hungary began to increase fast, and by the mid-XIX century, compared to the beginning of the century, it increased 4 times (we are to keep in mind that the increase was due to immigration). In Mordovia at the end of the XVIII century there lived approximately 448 thousand people, and in 1858 there were already 700 thousand. In the Mari region the number of inhabitants began gradually increasing since the end of the first quarter of the XVIII century: in 1723 there were 74 thousand people, in 1897 – 375 thousand people. Within Karelia the population increased from 120,9 thousand in 1795 to 215 thousand in 1897. In the Komi region in 1795 there lived 58–59 thousand people, and in 1897 – about 142 thousand Komi and 14–16 thousand Russians.

Such, in general, is the role of climate change in the history of the Finno-Ugric peoples. Of course, the author was not able thoroughly enough to show the impact of climate changes on the history, ethno-demographic development of the Finno-Ugric people. This is the matter of further comprehensive research.

Оглавление

Роль климата в древней истории финно-угров	3
От климатического оптимума – к малому ледниковому периоду	16
The role of climate in ancient history of the Finno-Ugric peoples	39
The study of the influence of climate change on ethno-demographic development of the Finno-Ugric peoples	45

Жеребцов Игорь Любомирович

**ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
НА ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ**

*Материалы к Международной научной конференции
«Этнологическое наследие: концепции, тенденции и подходы»
(Кишинев, 23–24 мая 2017 г.)*

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 3,25. Уч.-изд. л. 3,30. Тираж 300. Заказ № 104.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26.